

ЗВЁЗДНАЯ СИМФОНИЯ

Ирина Лебедева

6+

Ирина Лебедева
Звездная симфония

«Автор»

2013

Лебедева И.

Звездная симфония / И. Лебедева — «Автор», 2013

Случайная находка изменила жизнь Юли, открыв ей путь к другим планетам и общению с их жителями. Необычная и прекрасная мелодия унесла её разум в другой мир, где она познакомилась с Ним. Он сказал называть его Нараяном и помог Юле вернуться домой, а потом стал её проводником в глубины вселенной. Так началось для Юли её увлекательное и опасное космическое путешествие. В оформлении обложки использована иллюстрация Лары Вайтнайт — Литвинчук

© Лебедева И., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Дневник неизвестной	5
За всё приходится платить	16
«Симфония тысячи искр»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ирина Лебедева

Звездная симфония

Дневник неизвестной

На улице уже совсем стемнело, когда обшарпанный пригородный автобус остановился у тускло освещённой остановки, обозначенной на обочине дороги серой покосившейся палаткой. Двери автобуса со скрипом распахнулись, выпустив в промозглую зимнюю ночь нескольких пассажиров, а потом резко захлопнулись, и старая колыхага, раскачиваясь из стороны в сторону, покатила дальше вдоль укрытых белёсым мраком полей.

Недавние пассажиры, в числе четырёх человек, медленно двигались по обочине дороги, вытянувшись в неровную шеренгу. В небольшом отдалении от остановки, метрах в десяти, к асфальтированному шоссе примыкала грунтовая дорога, ведущая к маленькому, застроенному разномастными домиками посёлку. Почти во всех домах уже горел свет, едва пробивавшийся сквозь густую темноту, которая неизбежно сопровождает беззвёздную загородную ночь. Если бы не светящиеся окошки вдаль, подобно маленьким маякам направлявшие четырёх путников, местность бы выглядела совершенно унылой и даже жутковатой. Оранжевый свет придорожных фонарей падал лишь на двухполосное асфальтовое полотно, сантиметров на тридцать возвышавшееся над полями, и узкий участок обочины по обеим сторонам от него, выхватывая растущие рядом тоненькие деревца и кусочек бесснежной равнины. Дальше границы света царствовала, наполненная шелестом, тихим скрипом и прочими неясными звуками, сырая темнота зимней оттепели. Сыграв на древнем подсознательном страхе перед таящимися в ночи опасностями, она заставила возвращавшихся домой людей незаметно для них самих сбиваться в кучу.

Однако не все четверо поддались стадному инстинкту – нетерпеливо опередив троих сгрудившихся спутников, высокая, закутанная в чёрное пальто девушка энергичным шагом добралась до съезда с трассы и, свернув вправо от неё, быстро и легко понеслась к посёлку. Пройдя почти половину составлявших его домов, она остановилась перед кованым забором аккуратного двухэтажного особняка, неуловимым движением извлекла ключи из бокового кармана висевшей на её плече сумки и открыла калитку. Оказавшись во дворе, девушка быстро заперла калитку и, сделав ещё несколько шагов по сохранившейся остатке снега плиточной дорожке, взлетела по широкой лестнице на крыльцо дома. Остановившись перед входной дверью, она резко обернулась и подняла глаза к затянутому облаками серо-чёрному небу. Несколько секунд её пристальный взгляд буравил облака, словно пытаясь пронзить их плотную пелену, но, не достигнув цели, потух в разочаровании. Тогда девушка повернулась обратно к двери и, отперев замок, вошла в дом.

Часы на мобильном телефоне показывали 22.35, когда Юля, поужинав и приняв душ, поднялась в свою спальню на втором этаже и, упав на застеленную кровать, дотянулась до тумбочки, где лежала серебристая трубка. Прошедший день так её измотал, что не было сил даже подняться и снять с постели покрывало, но спустя несколько минут Юля, наконец, собрала волю в кулак и рывком поднялась на ноги. Дёрнув за один конец, она рывком стащила с кровати шерстяной плед, кое-как свернула его и бросила на стоявший возле двери комод, туда же полетели лишние подушки и халат, вместо которого Юля надела ночную рубашку. Затем она с удовольствием, ведомым лишь тем, кому придется пять дней в неделю подниматься в шесть утра, чтобы в 07.30 выйти из дома и вернуться туда только в 21.00, забралась под тёплое и мягкое одеяло.

Только оказавшись в одиночестве и тишине, Юля дала волю своему удушающему отчаянию, выплеснувшемуся из её души потоком слёз и сдавленных рыданий. Сегодня ей было хуже, чем обычно, хотя беззвёздные ночи всегда повергали девушку в необъяснимое уныние. В этот вечер уныние было гнетущим как никогда. И дело было не только в густых облаках, скрывших звезды, они стали лишь последней каплей для её расшатанных нервов.

Пусть в спокойной и вполне ровной жизни Юли не было видимых причин для того, чтобы чувствовать себя несчастной: ни ужасных событий прошлого, отравлявших настоящее, ни угроз будущих потерь, которые могли бы страшить её – но в ней не было и чего-то другого, чего-то важного, насущного и незаменимого, как воздух. Чего же могло недоставать в благополучной жизни юной девушки, в которой был и уютный дом, и полная семья, и здоровье, и достаток? Причём недоставать настолько, что тоска и убийственная безысходность безжалостно скручивали её, как с силой скручивают мокрую тряпку, выжимая из неё последние капли надежды? Что заставляло её в приступе безудержной скорби горестно повторять: «Зачем? Зачем мне это?!»...

Юля и сама до конца не понимала, почему она чувствует эту болезненную опустошённость, словно внутри у неё чего-то не хватает, но всё-таки склонялась к одной мысли – какой смысл в её жизни? К чему она идёт, к чему стремится, если ничто на свете не утолит её тоску? Даже если она станет очень богатой, реализует все свои таланты, счастливо выйдет замуж и обзаведётся любящей семьёй, объездит весь мир, всё равно она никогда не избавится от испепеляющей, воющей волком тоски в своём сердце, иссушающей жажды чего-то недостижимого... Чего именно? Всего лишь мелочи – того, что постоянно рядом, но недосыгаемо, что манит и зовёт, говоря: «Я здесь, так близко! Приди ко мне, дотянись до меня, подними руку, и ты меня коснешься». Только зов этот в минуту отчаяния кажется насмешкой.

«Ты моя единственная цель, мой единственный смысл, ничего и никогда я не желала так сильно, как хочу приблизиться к тебе... Нет, на самом деле, никогда я не желала, ничего кроме тебя... Но ни за что мне не достичь тебя, пока я стою на Земле... Космос! Как часто мне кажется, что эта планета – моя тюрьма, в которой я обречена провести всю жизнь, довольствуясь лишь отблеском сияющих далей, проникающим сквозь её решётки. Так зачем же мне оставаться здесь, если я могла бы легко освободиться от тяжких оков и подняться в тебе? Но я не хочу умирать, я хочу жить! Жить на Земле, но не быть намертво привязанной к ней. Неужели никто, кроме меня, не желает этого? Я знаю, все желания исполняются рано или поздно, так пусть исполнится и это! Я хочу подняться к звёздам!»

Эти мысли наполняли голову Юли, то повергая её в обессиливающее уныние, то зажигая в сердце стремленьем к небесам, где, как она верила, можно отдохнуть от нестерпимой пошлости земного бытия, от бессмысленно пустого копошения, которое люди называют жизнью.

Когда Юля наконец заснула, мысли её были обращены к звёздам, и это последнее устремление во время бодрствования определило содержание её сна и увело в безграничные просторы, о которых она так мечтала.

Проснулась Юля поздно, около одиннадцати часов, чувствуя себя полностью отдохнувшей. На дворе стояло на удивление ясное для декабря субботнее утро. От вчерашних терзаний в памяти девушки не осталось и следа, будто со слезами вытекла и накопившаяся боль. Полезно иногда поплакать, так из души уходит лишнее. В голове воцарилась ясность, в которой она чётко ощутила желание поскорее собраться и поехать в город, навестить бабушку. Но, как не спешила Юля, процесс вставания, умывания, завтрака и прочих утренних процедур растянулся на два часа. Только в час дня, последний раз взглянув на себя в зеркало, висевшее возле двери в прихожей, и пригладив коротко стриженные тёмно-каштановые волосы, девушка взяла со столика под зеркалом чёрную кожаную сумку и покинула дом. Спустя несколько минут она уже стояла на остановке в ожидании автобуса, хотя могла бы взять и семейную машину – всё

равно сегодня родители никуда не собирались – но она решила обойтись общественным транспортом, чтобы в городе погулять пешком. Да и вообще, она не очень любила садиться за руль.

Автобус прибыл, как всегда, с опозданием. Юля не помнила случая, чтобы он пришёл точно по расписанию. Однако сегодня водитель был почти пунктуален и подал транспорт лишь на пять минут позже положенного срока. На нём девушке предстояло совершить сорокаминутную поездку по относительно ровной дороге, связывавшей областную столицу, куда и направлялась Юля, с ближайшим приморским городком, недалеко от которого находился её дом. Покинула она автобус в самом центре города, на остановке возле железнодорожного вокзала, и дальше пошла пешком. Возможно, для кого-то расстояние в пару километров, отделявшее центр города от дома её бабушки, покажется чрезмерным для пеших прогулок, но для Юли оно было сущим пустяком, потому что она привыкла много ходить. Так и в этот раз быстро и без труда девушка добралась до знакомого с детства комплекса серых многоэтажек советской постройки столь же нелепых и безвкусных снаружи, сколь неуютных и непрактичных внутри. В недавно отремонтированном, как обычно полутемном подъезде Юлю встретил крохотный, дребезжащий, но зато резвый лифт, который доставил её на седьмой этаж. Там её уже ждала незапертая дверь бабушкиной квартиры, которой она сообщила о своём приходе, когда звонила в домофон.

Пусть бабушка и не ждала Юлю сегодня, но очень обрадовалась её неожиданному визиту. Она тут же усадила внучку за стол – как будто та пришла именно для того, чтобы поесть – и поставила чайник. Юле с трудом удалось убедить бабушку, что она совсем не голодная и ей не хочется ни картошки, ни рыбы, ни пирога. Однако от одного куска яблочного пирога под сопровождение: «Ну какая же ты худенькая стала», – уклониться не удалось. Бабушки все одинаковые: если внучка пришла к ней в гости, значит, она обязана хоть что-нибудь съесть, иначе оскорбит её лучшие чувства. К счастью для Юли, в этот день бабушка была не так строга в отношении еды и вскоре выпустила внучку из-за стола, дав ей доступ к тому, зачем она, в общем-то, и пришла – к книгам.

По какой-то необъяснимой причине девушку с самого утра мучило желание покопаться в бабушкиной библиотеке, хотя, она давно всё в ней пересмотрела и кое-что даже перечитала. Правда, то, что Юля про себя называла библиотекой, в действительности на неё мало походило и представляло собой несколько десятков книг, стоявших в гостиной на тёмных деревянных стеллажах без какой-либо системы. В центре букинистического разнобоя более-менее упорядоченной кучкой выстроилась отечественная классика; рядом с ней – современные детективы и женские романы; по бокам – научная фантастика вперемешку с историческими романами, военной прозой; кое-где попадались сборники стихов, а также справочники по механике и электронике. В общем, библиотека у Юлиной бабушки больше всего походила на литературный винегрет, включавший одновременно и абсолютно необходимые интеллигентному советскому человеку издания, и продукты современного литературного ширпотреба, и специальную литературу, отражающую профессиональную специализацию обитателей квартиры.

Юля медленно переходила от одного шкафа к другому и обратно, читая названия утраченных в них книг. Вроде бы всё в пёстром собрании было как обычно, но вдруг внимание девушки привлекли красные буквы на коричневом фоне корешка книги, стоявшей на третьей сверху полке стеллажа – книгу эту она раньше у бабушки не видела. Буквы образовывали инициалы и фамилию автора, фамилию хорошо знакомую ей. Взяв издание в руки и открыв его, Юля немало удивилась, тому, что на первой странице значился 1980 год.

– Ба, а откуда у тебя Ефремов в коричневом переплёте? – крикнула Юля бабушке, мывшей посуду на кухне, – Вроде не было у тебя такого?

– Что? В каком ещё переплёте? – переспросила бабушка, не поняв, о чём речь.

Юля принесла книгу на кухню и показала бабушке. Взглянув на обложку, бабушка сказала, что книгу отдала ей соседка, Рая. Её откуда-то принёс домой сын. Сама она такую литературу не читает, вот и подарила подруге.

Получив ответ, Юля покинула кухню и отправилась бродить по квартире, листая книгу. Недавно бабушка потратилась на ремонт, и теперь на стенах большой комнаты, служившей гостиной, красовались новые обои цвета слоновой кости, коридор был обклеен тёмно-красными бархатистыми обоями, а в двух спальнях – восточной и западной – поблёскивали серебряными жилками синие в цветочный узор обои. Главным же новшеством, наконец достигшим бабушкиной квартиры, стали белые пластиковые окна, заменившие деревянные совдеповские. Дом, в котором жила Юлина бабушка, несмотря на все его недостатки (тонкие стены и плиты перекрытия, позволявшие слышать всё, что делают соседи сверху, стояки отопления, лишавшие его какой бы то ни было мобильности, малоэффективную теплоизоляцию), имел одно несомненное преимущество, а именно местоположение. Полувековая многоэтажка находилась в непосредственной близости от самых известных достопримечательностей города, поэтому из всех окон квартиры Юлиной бабушки открывался шикарный вид на исторически памятники. А из окон маленькой спальни виднелся ещё и старинный парк за рекой с гранитными и бронзовыми статуями, число которых в последние десятилетия значительно уменьшилось.

Остановившись напротив прозрачной балконной двери второй спальни, которая сейчас не использовалась, так как бабушка жила одна, Юля внимательно рассматривала обнаруженный ею среди страниц собрания сочинений Ефремова дряхлый конверт из плотной коричневой бумаги. На конверте не было никаких надписей, ни адреса, ни имени, он не был запечатан, а внутри него лежало несколько сложенных в два раза исписанных листков...

Читать чужие письма неприлично, этого не следует делать без крайней необходимости.

Конечно! Юля тоже так думала, но внезапное любопытство оказалось сильнее нетвёрдого голоса совести. Точнее, она даже не успела ни о чём подумать, просто рефлекторно вынула листки и пробежалась глазами по тексту. Написанное показалось Юле одновременно странным и увлекательным и вызвало у неё сильно чувство, что в виде нескольких листков пожелтевшей от времени бумаги ей в руки попало нечто очень ценное и чуть ли не жизненно важное для неё. Вместе с этим чувством возникло и другое – желание сохранить находку у себя, ни в коем случае никому её не отдавать. Но как она могла это сделать, это же были чужие записи? А вдруг они кому-то понадобятся?

Решение созрело моментально. И несмотря на то, что оно, скорее всего, было не самым лучшим с моральной точки зрения, безотчётный страх лишиться случайной находки заставил Юлю немедленно его реализовать. Сказав бабушке, что скоро вернётся, она, торопясь как на самолёт, натянула пальто и сапоги, схватила сумку и выскочила из квартиры.

Юля спешила в расположенный через дорогу от бабушкиного дома супермаркет. Там на втором этаже была маленькая фотостудия, где девушка намеревалась осуществить свой коварный план. Помимо фотографий в том магазинчике можно было сделать ещё и ксерокопии или отсканировать документы.

Площадь студии была, казалось, два на два метра, если не меньше, развернуться там было почти негде. Сразу при входе стояло громоздкое многофункциональное устройство – одновременно и сканер, и ксерокс, и принтер, дальняя стена комнаты была завешана белым полотном, на фоне которого делались снимки, рядом с ней стояла невысокая круглая табуретка. В нескольких шагах напротив стены был воткнут крохотный столик, за которым спиной к входящим на таком же крохотном стуле сидел, уткнувшись в нетбук, длинный, тощий, с нечесаной гривой волос едва ли ни по пояс парень-фотограф.

– Здравствуйте, – обратилась к нему Юля, – мне нужно отсканировать несколько листов, распечатать скан, сохранить на флэшку электронный вариант. Скан нужен очень хорошего качества.

– Здравствуйте, – ответил парень, повернувшись к ней, – сейчас сделаем.

Он поднялся на ноги, заполнив собой остаток свободного пространства в магазинчике, и, взяв у Юли листок, который она ему уже протягивала, положил его под крышку аппарата на стеклянный поддон.

– Обе стороны сканировать? – уточнил продавец.

– Да, – ответила Юля, нервно сжимая в руках оставшиеся бумаги, словно боялась, что кто-нибудь может вырвать их у неё из рук раньше, чем она успеет сделать для себя копии.

Постепенно, один за другим, были отсканированы все листы, причём на последнем, заполненном лишь с одной стороны, Юля обнаружила ноты. К сожалению, она никогда не училась музыке, поэтому не могла их прочитать, но зато, у неё были знакомые, способные сделать это вместо неё.

Получив назад последний фрагмент своего сокровища и спрятав его в сумку, Юля немного успокоилась. Когда туда же были убраны и свежераспечатанные копии, и флэшка с электронным вариантом текста, её волнение улеглось окончательно. Расплатившись, девушка понеслась обратно, чтобы вернуть исходники в конверт, оставшийся в книге, и сообщить бабушке о находке. Увидев конверт, бабушка усомнилась, что его могла положить в книгу Раиса, поскольку она редко прикасалась к более-менее серьёзной литературе, а ту книгу, в которой он лежал, наверное, вообще в первый раз взяла в руки, когда решила отдать ей. Она предположила, что этот конверт мог оставить кто-нибудь из предыдущих владельцев, но всё равно решила спросить о нём у соседки сегодня вечером, когда та вернётся домой.

Вскоре после того, как обсуждение находки было окончено, Юля засобиралась восвояси, сказав бабушке, что хочет добраться до дома раньше, чем стемнеет. С её разрешения девушка прихватила с собой и томик Ефремова. Обратившись к железнодорожному вокзалу, рядом с которым была и остановка междугородних автобусов, Юля неслась раза в полтора быстрее, чем несколько часов назад шла к бабушке. Она очень хотела поскорее оказаться дома, чтобы перекинуть на компьютер своё сокровище, а потом усесться в своей спальне в широкое плетёное кресло возле окна и читать, читать...

Домой Юля пришла, по-прежнему пребывая в состоянии лёгкого нервного возбуждения. Сняв верхнюю одежду и пройдя через холл, соединявший кухню и зал, она уже ступила на первую ступеньку выложенной тёмно-коричневой плиткой лестницы, ведущей на второй этаж, но тут её из гостиной окликнула мама. Девушке пришлось спуститься и зайти в широкую, несколько готического вида комнату, где на светлом кожаном диване сидели перед телевизором её родители. Мама, как оказалось, всего лишь хотела сообщить, что ужин в духовке. В ответ на это Юля сказала, что от бабушки голодной не уйдёшь, поэтому сейчас она есть не будет. На этом короткий, как обычно, разговор с матерью закончился. Отец при этом не проронил ни слова, как замороженный глядя в широкий жидкокристаллический экран телевизора.

Взаимоотношения Юли с родителями носили достаточно отстранённый характер. Точнее, отстранёнными, сколько Юля себя помнила, были отец и мать, отстранёнными от неё. Каждый из них был погружён в свои дела: мама в работу и в домашнее хозяйство, папа – также в работу и в телевизор. При этом они всё время были как во сне, двигаясь, делая что-то, говоря друг с другом и с ней, они не просыпались ни на миг. Крайне редко видела Юля в глазах родителей теплоту или даже заинтересованность, когда дело касалось неё. На дочь они имели свойство обращать внимание лишь для того, чтобы сообщить что-либо или потребовать что-то сделать. А также если случалось нечто совершенно из ряда вон выходящее, как в тот раз, когда она в возрасте тринадцати лет в качестве акции протеста против родительского безразличия сутки не появлялась дома. Тогда она «укрылась» у своей тёти (папиной сестры), в которой всегда чувствовала значительно больше заботы и участия, чем в отце и матери. Тётя, естественно,

не знала, что Юля ночует у неё без разрешения родителей, но, когда всё выяснилось, не стала ругать племянницу, поскольку, хорошо зная своего брата и его жену, прекрасно понимала её.

Вика – так звали сестру Юлиного отца – жила в городе с мужем и семнадцатилетним сыном, Юрой. У женщины была своя небольшая фирма, занимавшаяся юридическим консультированием. Именно тётино участие повлияло на выбор Юлей специальности, на которой она сейчас училась в университете. А после того, как девушка окончила третий курс на юридическом факультете, Вика взяла её к себе на работу, и вот уже несколько месяцев Юля набиралась у неё опыта. И то, что фирма её тёти находилась в пяти минутах ходьбы от университетского корпуса, в котором у Юли проходили занятия, было несомненным плюсом для студентки, совмещавшей учёбу на дневном отделении с работой. По вечерам Вика, подвозила племянницу до автобусной остановки, а по пути они болтали и смеялись. Для Юли эти короткие поездки всегда были самой приятной частью дня, но они слишком быстро заканчивались, и ей приходилось возвращаться обратно в царство бесчувственности и одиночества. Некоторым утешением для девушки служило то обстоятельство, что, начав работать, она стала проводить дома значительно меньше времени, возвращаясь туда лишь на ночь. А выходные дни заполняли домашние задания по учёбе, накопившиеся за неделю, когда Юля почти не выходила из кабинета, расположенного на втором этаже дома – просторной прямоугольной комнаты со светлым паркетным полом и салатowymi стенами. Родители Юли в выходные дни, как правило, уезжали куда-нибудь, возвращаясь лишь под вечер, так что она их редко видела.

В эту субботу родители Юли отчего-то решили остаться дома, и при этом у неё самой, сумевшей разобраться с домашними заданиями в течение недели, появилось свободное время, позволившее ей днём съездить к бабушке. Вечер же, поскольку на него никаких срочных занятий запланировано не было, девушка спокойно могла посвятить чему пожелает. Желание у неё сегодня было только одно – поскорее перекинуть сканы текстов на ноутбук и усесться читать их бумажные копии, что она и сделала со всей возможной поспешностью.

На улице уже наступили сумерки, а с серых небес начали падать лёгкие хлопья снега – снова подступали морозы. О том, чтобы читать при естественном свете, можно было и не думать, и Юля включила тонкий хромированный светильник, стоявший возле её кресла. Сразу стало намного удобнее разбирать не всегда понятный, хотя и аккуратный женский почерк. К Юле, как она скоро поняла, попали страницы дневника некой девушки, который она вела в середине прошлого века, но дневника довольно необычного...

«5 апреля 1961 года, 6 часов утра. Я впервые открыла подаренный мамой дневник. Сама этому удивляюсь, потому что думала, что никогда ничего в нём не напишу. Да и о чём писать, если в жизни моей не происходит ничего хоть сколько-нибудь заметного или необычного, о чём стоило бы сохранить память на его страницах. Не происходило до сих пор. Правда, то, что случилось этой ночью, трудно назвать событием. Вернее, я не уверена в том, было ли это на самом деле, или же во всём виноват мой не успевший до конца проснуться разум.

Я часто вижу яркие и очень реалистичные сны, но случившееся сегодня мало походило на сон. Я летела в открытом космосе, в безграничном пространстве, наполненном звездами, к какой-то планете, переливавшейся серебристой голубизной на фоне черноты космоса. Меня тянуло к ней, как железный гвоздь к магниту, помню, каким непреодолимо сильным было её притяжение, как явственно я его ощущала. Я не смогла бы сопротивляться ему, даже, если бы захотела. Но я совсем не желала сопротивляться, напротив я всем сердцем стремилась вперёд к этой сияющей планете, которая будто звала меня. Мне постоянно казалось, что я приближаюсь к ней слишком медленно, хотя, как я теперь понимаю, я должна была двигаться с огромной скоростью, учитывая расстояния в космосе. Наконец, я оказалась так близко от неё, что могла рассмотреть ландшафт сквозь прозрачную атмосферу, но планета всё продолжала притягивать меня к себе, и начался спуск. Чем ближе я была к земле, тем отчетливее различала контуры

горных цепей, ленты рек, долины и леса чужого мира. Они были похожи на земные, но всё же были другими...

Мой межпланетный полёт закончился, когда я коснулась мягкой серебристо-зелёной травы на опушке огромного леса с очень высокими и древними на вид деревьями. В нескольких шагах от меня поляна обрывалась крутым склоном, у его подножия простиралась широкая, пёстрая от диких цветов долина, посредине которой протекала искрящаяся под солнцем голубая река. Я отчётливо помню запах больших синих цветов, росших на краю обрыва, шелест ветра в изумрудно-золотой листве высоких как секвойи деревьев с гладкой серо-коричневой корой, помню яркий свет непривычно большого жёлтого солнца, который, тем не менее, не затмевал до конца сияние огромных звёзд на бирюзовом небосклоне. Всё там было таким ярким, насыщенным и реальным, пронзительно реальным! На Земле я никогда не видела ничего столь реального, столь ощутимо живого, как деревья и цветы, вода и земля, даже само пространство того мира. Оно окутывало и наполняло меня, проникая в мой разум, помогая ему раскрыться и ощутить всё, что меня окружало.

Едва успев освоиться с происходящим, я вдруг почувствовала, что позади меня кто-то стоит, и, обернувшись, увидела человека, юношу. Как и весь тот странный мир, он был потрясающе ярким и красивым, мне трудно подобрать слова, чтобы описать его красоту. О чём могут сказать эпитеты вроде «ослепительно красив», «божественно красив», «невозможно красив»? Чтобы описать впечатление, которое произвела на меня его внешность, лучше всего подойдёт такой термин как «возмутительно красив». Да, по сравнению с тем, что я каждый день вижу на Земле, его красоту трудно назвать иначе, как возмутительной. Слова «блистательная» или «сверхъестественная» смазывают образ совершенно, лишая его конкретности и выраженных черт, а в данном случае черты были выражены абсолютно ясно. Юноша был высок ростом, весь облик его одновременно дышал изяществом и какой-то кристальной монументальностью. Лицо его явно излучало сияние так, будто было отлито из звёздного света, а правильные черты своей прорисованностью и чёткостью легко могли затмить работу самого искусного скульптора Земли. Звёздный облик юноши завершали серебряные волосы и горящие сапфировые глаза.

Появление этого человека вызвало у меня странное беспокойство. Нет, он не вызывал у меня страха, даже наоборот, его присутствие внушало мне внутреннюю уверенность. Но при этом мне внезапно стало неловко находиться в присутствии этого прекрасного и величественного создания, которое – как я подсознательно чувствовала – намного превосходит меня. В тот же момент я осознала, что то, что я вижу, не может происходить наяву, я поняла, что сплю. Мне захотелось проснуться, чтобы сбежать от этих сияющих глаз, видевших меня насквозь. И желание это сразу исполнилось, сказочное видение затуманилось и исчезло, а через несколько секунд я открыла глаза в своей комнате.

Вокруг было темно, но мне показалось, что рассвет уже скоро. Я села в постели, чтобы включить лампу и посмотреть, сколько времени, и тут... Он был здесь! Звёздный человек стоял в двух шагах от моей кровати на фоне закрытого шторами окна. Он улыбнулся мне, и в моей голове прозвучали слова: «Не бойся меня», – а потом исчез без следа. Когда оцепенение, охватившее меня, спало, я встала и пошла в ванную, холодная вода помогла мне окончательно проснуться. Вернувшись в комнату, я решила всё записать, что и делаю сейчас.

6 апреля 1961 года. Если вчера у меня ещё оставались сомнения в реальности визита инопланетного призрака в мою комнату, то минувшая ночь развеяла их окончательно. Правда, я, пожалуй, совершаю ошибку, называя моего внеземного знакомого «призраком». В действительности он вовсе не привидение, то есть не мёртвый человек, нет. То явление, что я видела прошлой ночью, было лишь проекцией его вполне живого и материального тела – так он сказал. Но всё по порядку.

Минувшей ночью я долго не могла уснуть, голова гудела от переполнявших её мыслей – результат насыщенного впечатлениями дня. Только около полуночи зыбкая дрёма у меня перешла-таки в неглубокий сон. На какое-то непродолжительное время я даже провалилась в полное беспамятство, но вскоре моё сознание опять всплыло на поверхность, будто потревоженное извне. Я ощутила себя в своей кровати, начала слышать тихое шуршанье веток за окном спальни, разум мой постепенно прояснялся, его больше не наполнял гул беспорядочных мыслей, в нём появилось приятное спокойствие. Перед глазами за закрытыми веками расплывались яркие светящиеся серебристо-голубые круги, создавая причудливые узоры. Я открыла глаза, но искрящиеся круги никуда не делись, они скользили передо мной в темноте, меняя очертания, вспыхивая и угасая. Их необычное сияние было таким ярким, что за ним я не сразу заметила присутствие в комнате другого излучавшего свет объекта.

Это был Он. Инопланетянин стоял возле окна моей комнаты и смотрел на меня. И вновь меня поразила его неземная красота, быть может, именно благодаря ей я почти не испугалась, увидев его. Почти... В первый миг лёгкий холодок суеверного страха всё же тронул моё сердце. Да и как иначе, если у тебя в спальне посреди ночи появляется полупрозрачный мерцающий, пусть и прекрасный юноша? А он уловил моё настроение, и в голове у меня, как и прошлым вечером, прозвучала тихая, но чёткая фраза: «Не бойся меня».

«Кто ты?», – прошептала я в ответ.

Эфемерный гость улыбнулся, и в моём сознании возник ответ: «Человек».

«Логично», – невольно подумала я.

Юноша сделал едва заметное движение, как будто легко пожал плечами: «Увидев тебя, я сразу понял, что ты с Земли, – услышала я его мысли. – Я удивился, потому что земляне не часто приходят к нам, как ты пришла, видимо, условия были очень хорошие».

«Какие условия?», – спросила я.

«Например, состояние атмосферы Земли и твоего сознания, взаимное расположение наших планет... Ты, очевидно, попала в поток, поэтому и проявилась у нас так чётко».

«Чётко?».

«Так, чтобы увидеть и почувствовать мою планету почти как свою собственную».

«Значит, это больше не повторится?».

«Зависит от тебя. Хочешь ли ты снова отправиться в мой мир, покинуть пределы Земли?».

«Да».

«Тогда я помогу тебе».

Что было дальше, я помню хуже, я словно бы опять уснула, потому что перестала видеть свою затёмнённую комнату и таинственного духа в ней. Неведомая сила, идущая из глубины моей души, подхватила и понесла мой разум ввысь сквозь перекрытия и крышу нашего дома, сквозь тёмно-серые облака, укрывшие город, к усыпанному звёздами небу. Вдруг я поняла, что Земля осталась позади. Наполовину укрытая тенью, она всё больше удалялась от меня, постепенно превращаясь из огромного голубого шара в крохотную точку на фоне бархатной черноты. Мощный импульс, вырвавший меня со дна её атмосферы, продолжал нести мой разум в звёздную даль, пока среди множества разноцветных огней не выделился один, серебристо-синий огонёк, звавший меня и тянувший к себе. Я ответила на его зов, и маленький пучок холодного света мгновенно приблизился и стал полноценной планетой, заполнив собой все перед моими глазами.

Сквозь прозрачную атмосферу я видела завораживающую игру красок на поверхности нового мира. Переливчатые тона создавали причудливые узоры на гладкой как зеркало поверхности воды; казалось, какой-то неведомый художник наносил их кистью невероятных размеров и тут же стирал, заменяя другими. Никогда прежде я не видела ничего подобного, но почему-то незнакомые знаки и символы казались близкими и понятными, чем больше я смотрела на

радужный танец, тем яснее ощущала его ритм и смысл. Этот вальс красок и форм не рассказывал никакой истории, не передавал эмоций или сложных мыслей, но создавал движение красоты. Точно с гигантского экрана, обращённого к иным мирам, с поверхности океана планеты в космос транслировались образы её индивидуальной красоты, выраженные узором цвета и мелодии. Мелодии тонкой и струящейся, которую я слышала тем отчетливее, чем дольше смотрела на сменяющие друг друга картины...»

Резкое дребезжание мобильного телефона, поставленного на вибро-режим, оторвало Юлю от чтения. Ей пришлось подняться с кресла и подойти к комоду, на котором она оставила мобильник. Звонила Даша.

– Привет, – сказала в трубку Юля, нажав вызов.

– Привет, – отозвался в телефоне голос Даши, – слушай, ты уже отправила проект закона Савкиной?

– Да, вчера.

– Я чего-то никак не пойму, что там делать надо, а отправить нужно до вторника. Ты мне свой проект не скинешь на почту, чтобы я могла разобраться?

– Хорошо. Сейчас отправлю.

– А там, вообще, в чём суть-то?

– Да, ерунда, как обычно. Нужно внести изменения в какой-нибудь закон или придумать полностью свой, а главное, обосновать, почему решила его сделать.

– Блин! Ну, как всегда... Но это хоть получше, чем задачи у Иванченко, мне на них даже смотреть страшно. А ещё на работе полный завал, совсем времени нет...

– Да, ладно, не парься. Я тебе и задачи скину, всё равно уже всё сделала.

– Ой, спасибо! С меня шоколадка! Ты мне всегда так помогаешь!

– Мне это ничего не стоит, а для кармы полезно.

В трубке послышался смех.

– Всё равно, спасибо.

– Пожалуйста. Пока.

– Пока.

Юля нажала на сброс и, кинув телефон на кровать, пошла в кабинет к ноутбуку, чтобы отправить Даше материалы по учёбе. Заняло это меньше десяти минут, и скоро она вернулась к себе в комнату, чтобы продолжить читать:

«Ведущий импульс не позволил долго любоваться удивительным искусством, он помчал меня дальше над горами и реками к уже знакомой, усеянной синими цветами поляне, лежавшей на краю высокого утёса. Там, на краю леса, меня ждал он – уже не полупрозрачный призрак, а вполне материальный юноша, чьи сияющие сапфировые глаза внимательно следили за моим спуском с небес.

– Ты опередил меня, – подумала я, коснувшись земли.

– Конечно. Иначе ты бы сюда так просто не добралась, – ответил он мысленно.

– Почему это? Я ведь уже была здесь.

– Как я говорил, тогда были удачные условия, и ты попала в поток, а в этот раз твой полёт направил я. В космосе, чтобы достичь цели, нужно иметь чёткий ориентир или проводника. Тебе было бы трудно найти мой мир самой, потому что ты пока не знаешь, как это можно сделать.

– Научи меня. Ты ведь умеешь это, раз добрался до Земли.

– Да, ты права, на этой планете все люди умеют путешествовать к звёздам.

– Это так легко?

– Не сложнее, чем пройти от этого дерева к тому обрыву, – он кивнул сначала в сторону похожего на вытянутый каштан исполина, возле которого стоял, а затем указал на неровный край поляны.

– Но ведь ты сказал, что я не добралась бы сюда «так просто» без твоей помощи?

– Только потому, что ты не путешествовала раньше за пределы Земли одна... Дело в том, что твоя планета притягивает к своей поверхности не только твоё тело, но и твой разум, и нужно приложить немало усилий, чтобы преодолеть это притяжение, вырваться из привычной для сознания колеи и выйти за пределы родной атмосферы. Но подняться всегда проще, если кто-то протянул тебе руку или если тебя подбросила волна.

Его слова не звучали именно так, как я их сейчас записываю, потому, что это были не «слова» а мысли, понятия, которые он вкладывал в мою голову. Они осаждались в моём разуме готовыми образами, несущими знание, поэтому сейчас мне трудно передать наш разговор точно таким, каким он был.

– Значит, вчера меня подбросила волна? Но откуда она взялась?

– Она – часть происходящих сейчас в вашем мире грандиозных перемен... Очень скоро ты обо всем узнаешь, а сейчас я постараюсь объяснить тебе...»

Первый лист закончился, и Юля переложила его в конец тоненькой стопочки, однако следующий начинался датой: «20 июля 1961 года», и, явно не являлся продолжением предыдущего текста – он был вырван откуда-то из середины или, может быть, даже конца дневника. От досады девушка невольно издала звук, похожий на тихое рычание – она не сможет узнать, какой секрет раскрыл инопланетянин той девушке.

«Ну как так можно!», – думала про себя Юля, переворачивая и пристально разглядывая листки в тщетных попытках отыскать продолжение. Конечно, его нигде не было, и девушке пришлось с этим смириться и подавить вспыхнувшее раздражение. Ещё несколько минут ей потребовалось, чтобы унять неприятное чувство, закономерно возникающее, когда у тебя прямо из-под носа уводят желанную вещь, которая, казалось, вот-вот станет твоей. В конце концов, ей удалось вновь обрести спокойствие и продолжить читать, и с первых же слов Юля заметила, что тон повествования изменился, став будто бы более мечтательным и поэтичным, словно характер самой хозяйки дневника изменился за несколько месяцев.

«20 июля 1961 года. Какой чудесный был вечер! Солнце медленно опускалось за горизонт и в оранжевом сиянии растворялось в дымке над землей. Чистый вечерний воздух наполняли запахи луговых трав. Как хорошо и приятно было вдыхать их, идя к посёлку через поле. Я уже перешла по мостику узкую речку, и вдаль появились первые невысокие домики, когда дуновение знакомого мерцающего ветра коснулось моего лица и проникло в сердце. Тогда мир вокруг меня изменился, став в один миг намного чётче. Мои чувства преобразились, открыв мне то, о чём я не подозревала прежде...»

Я ощущала всё, каждую травинку на широком лугу, её трепет на ветру, структуру и дыханье. Чувствовала, как тоненькие корни втягивают влагу из земли, как всё хрупкое существо тянется к последним лучам вечернего солнца – словно я сама была травинкой, каждой из тысячи травинки на поле. А небо надо мной! Его безграничный, напоенный всеми оттенками синего, подёрнутый у земли медью и пурпуром простор опьянял своей безупречной красотой так, что мне хотелось раствориться в нём. Мир перевернулся, я падала в небо, но земля удержала меня, крепко привязав мои босые ноги к тёплой почве. Сердце моё трепетало от напряжённости и подвижной действительности лежавшего передо мной мира, и снова его точно коснулось что-то, но уже не ветер, а огонь. Маленький уголёк разгорелся где-то внутри, и радостное предчувствие перехватило моё дыханье – тихим золотым звоном в воздухе витало Его присутствие.

Он был повсюду: в нежном ветре, в сияющем небе, но больше всего во мне – одновременно рядом со мной и внутри, в моей душе. Нельзя передать словами это чувство Его присутствия – так прекрасно был осознать его на Земле.

«Ты здесь», – прошептала я невольно, хотя в словах и не было надобности. Безмолвный ответ заставил меня улыбнуться – я сама думала о том, что этот чудесный летний вечер стал

бы ещё лучше, если бы мой звёздный друг был рядом. Он сказал, что сегодня состояние атмосферы Земли очень располагает для общения, поэтому он легко услышал меня. Я подумала, что прежде мы не встречались при свете дня, а он ответил, что приходил и днём, но раньше я не замечала этого. В городе охваченные повседневными заботами люди редко замечают даже друг друга, не то что бесплотных гостей; жизнь их крайне суетна и почти вся протекает строго по отведённому ей руслу, лишь изредка выходя из него. Я возразила, что не все люди такие. Он согласился, но сказал, что ясно видеть сквозь повседневность и обыденность могут немногие, со временем это изменится, и тогда такое общение, как наше с ним, не будет редкостью на Земле.

К сожалению, его вечерний визит был коротким, но он сказал, что как всегда будет ждать меня ночью за границей земной атмосферы. Сегодня он исполнит своё обещание, и я услышу его «Симфонию тысячи искр», которую он только что закончил. Он покинул меня у порога дома моих бабушки и дедушки, а вместе с ним исчезла и пронзительная острота моего восприятия».

«21 апреля 1961 года. Сейчас семь часов утра, я только что закончила записывать «Симфонию тысячи искр». Этой ночью наше путешествие было совсем недолгим, и в этом, конечно, моя вина, но я не могла поступить иначе. Это произведение из космических глубин столь прекрасное, мощное и невыразимо живое. На Земле нет музыки, подобной этому творению, такой же потрясающей и навеки пленяющей сердце. Она так взволновала меня, что я не смогла сохранить концентрацию и удержаться в его мире, и вернулась домой, охваченная неодолимым желанием немедленно записать эту звёздную мелодию – к счастью, нотная тетрадь у меня всегда с собой. Но здесь, я столкнулась с неожиданными трудностями – произведение было таким необычным и сложным, что я ни за что не смогла бы его точно записать, к тому же моя память не способна долго удерживать услышанные в звёздных сферах звуки. Казалось, они ускользают от меня, как воздух, который я отчаянно пыталась схватить руками. Постепенно в голове оставалось лишь общее впечатление от музыки, размытый контур, а её красочное содержание сшивалось и исчезало. В отчаянной попытке удержать таящие звуки я возвала к автору симфонии, и он услышал меня. Его появление успокоило меня и вернуло ясность моему разуму. Он сказал, чтобы я не гналась за уходящими обрывками нот, а вместо этого позволила своему сознанию совсем отпустить их. Я сделала, как он велел, и тогда вновь услышала мелодию чётко и близко, словно именно он был её источником. Взяв нотную тетрадь, я стала записывать, и чем дальше я писала, тем отчётливее становились звуки в моей голове. Я даже не задумывалась, когда вносила ноты в нотный стан, точно это делала не я, а он; я только слушала, а символы сами ложились на бумагу. Когда наша работа была закончена, он сказал, что «Симфония тысячи искр» поможет подняться к звёздам каждому, кто её услышит».

Второй лист закончился и, переложив его назад, Юля увидела ноты, на которые прежде не обратила особого внимания, потому, что не могла их прочесть. В самом верху нотной страницы значилось: «Симфония тысячи искр» – а на оборотной стороне девушка нашла одну короткую запись:

«Сознание свободно, для него нет ни пределов, ни границ. Мысль вездесуща, для неё нет ни времени, ни пространства, она проникает повсюду и достигает любой цели. Где мысль, там и сознание, где сознание, там и я».

Прочитав эти несколько предложений, Юля поняла, что ей больше не нужно расстраиваться из-за того, что она не сможет прочитать продолжения первой страницы дневника – она уже знает, чему его хозяйку научил её звёздный друг.

За всё приходится платить

Юля сложила распечатки нот и дневника и убрала их в комод, в средний ящик, где хранила свои личные документы, а потом пошла в кабинет, чтобы снова включить ноутбук. Из спальни она захватила телефон и, пока компьютер загружался, нашла в его памяти нужный номер и стала звонить Юре. Пару секунд спустя знакомый писклявый сигнал в трубке и голос автоинформатора возвестили о том, что мобильный её двоюродного брата «выключен или находится вне зоны действия сети».

– Ё-моё! – произнесла вслух девушка, – Совсем забыла, что его нет в городе. Эх, теперь придётся до понедельника ждать.

В это время ноутбук закончил загрузку, и Юля смогла, наконец, запустить Интернет.

– Ладно, Юрик, – продолжала говорить сама с собой Юля, заходя в свой почтовый ящик, – ограничусь пока письмом.

Открыв адресную книгу, девушка нашла контакт брата и создала новое письмо, в котором после короткого приветствия попросила его посмотреть найденные ею ноты, а также, если это возможно, воспроизвести их с помощью какой-нибудь программы. Набрав послание и прикрепив к письму скан с нотами, Юля нажала «Отправить».

– Хорошо, – заключила девушка, проверив наличие соответствующего сообщения в папке «Отправленные», – а в понедельник я тебе ещё позвоню.

Двоюродный брат Юли был парень несколько отстраненный и довольно скрытный. Общение с ним никогда не давалось девушке легко, хотя она и умудрялась сохранять их отношения в относительно дружеском ключе. Она редко просила его о чём-нибудь, а он обращался к ней за помощью ещё реже, но когда речь заходила о музыке, Юра был готов на всё. Поэтому Юля была уверена, что двоюродный брат не поленится исследовать посланную ему симфонию. К тому же он как-то упоминал, что существуют программы, позволяющие создавать и воспроизводить любую музыку, так что, может быть, она скоро услышит космическую «Симфонию тысячи искр».

Остаток субботы и воскресенье прошли для Юли как в тумане, тумане безделья и нетерпеливого ожидания. Она ни о чём не могла думать, кроме невероятной истории дружбы неизвестной девушки и инопланетянина, отрывки которой загадочным образом попали к ней. Раз десять Юля за это время перечитывала страницы дневника, словно надеялась узнать из них нечто новое и совсем их измяла, но в итоге привело это лишь к одному – постепенно её отношение к содержавшемуся в них повествованию начало меняться. Когда Юля первый раз читала дневник, он показался ей чуть ли ни Граалем Божественным, содержащим священную тайну мироздания. Она искренне верила каждому слову в нём и все описанные события воспринимала как естественные и бесспорно адекватные действительности. Но к вечеру воскресенья её мнение стало другим. Всё больше ей казалось, что «дневник неизвестной», как называла Юля про себя те несколько листков записей, которые теперь постоянной хранились в среднем ящике её комода, – это, скорее всего, отрывки из кого-то любительского фантастического романа. В глубине её души зарождалось нехорошее чувство будто её одурачили, медленно перераставшее в разочарование. Конечно, Юля понимала, что сама виновата – не нужно быть столь легковой.

Всего несколько часов назад она была переполнена восторгом от радужных перспектив, открытых перед ней чудесным подарком судьбы, а они оказались лишь миражом, иллюзией, которую её истосковавшееся по звёздному свету сердце с готовностью приняло за реальность. Сознание девушки резко рухнуло с вершин вдохновенной радости на дно обессиливающего

уныния, к самым границам отчаяния – она слишком сильно поверила в то, что её омытая столькими слезами обжигающая мечта вот-вот станет реальностью.

Но от полного падения её удержала упорная, пусть и бессмысленная на первый взгляд уверенность в том, что история общения обычной земной девушки и прекрасного инопланетянина вовсе не выдумка. В конце концов, в ней же не было ничего невероятного: примеры телепатии и так называемого ясновидения давно известны миру, и даже официальная наука не может отрицать способностей таких людей, как Вольф Мессинг. Нет ничего невозможного в том, что создание из другого мира, чей разум, несомненно, превосходит своей силой и возможностью проникать сквозь пространство разум любого человека на Земле, вступило в контакт с жительницей нашей планеты. Нет также ничего нереального в том, что сознание обычной девушки, возможно чуть более чувствительное, чем у основной массы землян, оказавшись подхваченным неким энергетическим импульсом, сумело вырваться за пределы родной планеты и устремиться в космос. Если вспомнить предания об индийских йогах и людях им подобных, становится очевидным, что такой опыт не является чем-то из ряда вон выходящим.

Такие мысли помогли Юле вновь обрести душевное равновесие. Если уж на то пошло, когда хочешь достичь недостижимой в стандартных условиях цели, будь готов применить нестандартный подход. К тому же, Юле было с кем обсудить этот нетрадиционный или, лучше сказать, «расширенный» взгляд на некоторые вопросы – любимая тетья никогда не скрывала своей симпатии к восточной философии и часто рассказывала племяннице довольно интересные вещи.

Наступил понедельник. Новая учебно-рабочая неделя ознаменовалась десяти градусным морозом и жуткой метелью, но даже такая погода не вызвала в Юле желания ехать в город вместе с родителями. Как обычно бывало в будние дни, она поднялась раньше них, чтобы собравшись ускоренным темпом, в одиночестве выйти из дома. И всё было хорошо, пока девушка не окунулась с головой в густую снежную пургу, превратившую маленькую полутёмную улицу в сплошное белое облако. Идя в направлении автобусной остановки по заваленной сугробами дороге, как ей казалось, по самые уши в снегу, Юля почти жалела, что этим утром она не поехала с отцом и матерью на машине. Эта мысль снова вернулась к ней, когда девушка уже в городе, где мело ещё сильнее, пробиралась почти ощупью к зданию университета. К счастью, утомительный путь скоро закончился, и Юля с облегчением вошла вместе с толпой студентов в двери одного из его периферийных корпусов, в котором располагались аудитории юридического факультета. После перехода по заснеженной тундре даже подъём по непропорционально длинной и совершенно неудобной бетонной лестнице на четвёртый этаж показался ей легче обычного.

Первой парой в этот день стояли лекции по истории чего-то там связанного с гражданским правом в Англии восемнадцатого века. Точного названия этого предмета, как, впрочем, и большинства дисциплин, которые она проходила в университете, Юля – как и почти все её однокурсники – не помнила. Вместо того чтобы запоминать длинные, похожие друг на друга названия, студенты, когда говорили о тех или иных предметах, для простоты использовали фамилии преподавателей, их ведущих. Вот и сейчас только Юля успела войти в большую, недавно отремонтированную аудиторию с огромными окнами, занимавшими практически всю стену, напротив интерактивной – по последней моде – доски, как к ней тут же подскочил один из одногруппников. Прыгая на месте не то от радости, не то от возмущения, низкорослый плотненький паренёк, едва достававшей Юле до плеча, возвестил, что по Андреевой сегодня тестирование.

– Ах, замечательно! – Юля цокнула языком, – очень в её стиле – устроить тестирование без предупреждения, – сказала девушка, шагнув к ближайшей пустой парте, на ходу расстегивая пальто.

Павлик – парень, сообщивший ей «радостную» весть, – скакал рядом, эмоционально выплёскивая своё, как теперь стало понятно, негодование по поводу столь нечестного, как он считал, поведения преподавательницы. Кроме него и Юли в аудитории была пока только Настя – миниатюрная молчаливая девушка с копной шикарных рыжих волос. По своему обыкновению она заняла дальний стол возле окна и, как всегда, никого не замечая, тихо сидела, погружённая в себя.

– И когда же она известила о том, что собирается нас сегодня осчастливить? Я так понимаю, тестирование будет проходить в библиотеке на компьютерах? – говоря, Юля сняла пальто и шарф и положила их на первый с краю парты стул, а на второй села сама.

– Да, на компьютерах, – кивнул Павлик, усевшись за соседний стол. – А сообщила она за две минуты до твоего прихода – засунула голову в дверь и, увидев нас с Настей, сказал, что решила устроить внеплановую проверку знаний нашей группе.

– Очаровательно, – скривилась Юля, достав из сумки расчёску, – больше никаких приятных известий нет?

– Нет, слава Богу, – покачал головой Павлик.

– Ну, и хорошо, – Юля убрала расчёску и зевнула. – Теперь главное на Витруке не уснуть. О, Дашка! Привет!

В аудиторию вошла высокая девушка с лицом, покрасневшимся от холода и подъёма по лестнице и взлохмаченными чёрными волосами. Подойдя к парте, за которую временно сел Павлик, Даша небрежным жестом показала парню, чтобы он освободил ей место.

– И тебе доброе утро, – обиженно буркнул Павлик, неохотно уступая стол.

– Утро добрым не бывает, – угрюмо ответила Даша.

– Это точно, – усмехнулась Юля, – Андреева решила нам сегодня неожиданное тестирование устроить.

– Что?! – выдохнула Даша, кинув на второй от края парты стул свою верхнюю одежду, – И как это называется? По какой хоть теме?

Юля пожала плечами.

– Ладно, надо быстро что-нибудь повторить, – Даша вытащила из своей бесформенной коричневой сумки толстую тетрадь в клетчатом переплёте. – Хорошо хоть, что Андреева диктует лекции под запись, а не пользуется этими тупыми презентациями, – девушка открыла конспекты и погрузилась в его исследование, просматривая всё лекции подряд. Можно было ожидать, что тестирование, которому предстояло состояться на третьей паре, будет включать вопросы по всем пройденным темам.

Аудитория постепенно наполнялась студентами, и каждому из вновь прибывших, Павлик рассказывал о грядущем испытании в компьютерном классе. Реакция всегда была одна и та же: недовольство, зачастую сопровождаемое нелитературными выражениями в адрес преподавателя по соответствующему предмету, за которым следовало вынужденное обращение к единственному средству, сулившему шанс на спасение, – конспекту. Примерно к 8.45 большая часть группы была в сборе, остальные должны были подтянуться к началу второй пары. Без десяти девять появился и сам уважаемый профессор, едва слышно поприветствовав собравшихся, он включил заранее принесённый лаборантом ноутбук, запустил проектор и начал скучную, монотонную лекцию-презентацию.

Почти никто из Юлиной группы не поднимал глаз на прямоугольный белый экран, висевший возле доски в начале аудитории, куда проецировалась презентация, и не слушал преподавателя. Поскольку после занятий они всё равно получали учебный материал в электронном виде, не было особой необходимости напрягать внимание, чтобы уследить за ходом лекции, тем более что всех больше интересовала подготовка к проверке знаний у следующего преподавателя. Профессор же Витрук никак не реагировал на подобное отсутствие интереса к его предмету. Ему, очевидно, было совершенно безразлично, слушает его кто-нибудь или нет.

Невозмутимый как гранитный столб оратор на протяжении почти трёх часов с одним десяти-минутным перерывом механически тарабанил заученный текст лекции, а по истечении второй пары, не сказа ни единого лишнего слова, закрыл презентацию, выключил ноутбук и проектор и, не задерживаясь, покинул аудиторию.

Началась большая перемена. Основная часть Юлиной группы потянулась за едой в столовую на четвёртый этаж, а сама она вместе с Дашей сразу пошла в библиотеку, находившуюся на втором этаже здания, чтобы занять места за наиболее резвыми компьютерами. Техника в медиатеке юридического факультета была не самая новая, но недавно закупили несколько новых ноутбуков, на которых Интернет работал значительно быстрее (значит, они были удобнее для списывания, если в том возникнет острая необходимость). Однако в итоге Юле тест не показался особенно сложным, поскольку она достаточно серьёзно относилась к учёбе и имела полезную привычку прочитывать конспекты прошлых лекций перед новым занятием. Ответив на все вопросы за половину отведённого на них времени, она ошиблась лишь в одном из двадцати. Её подруга Даша и ещё человек десять одноклассников решали задания немного дольше, но тоже справились довольно скоро. А когда старший преподаватель Андреева – бесформенная шатенка с водянистыми маленькими глазками – зафиксировала их результаты в своём блокноте, передовая дюжина студентов получила возможность идти на все четыре стороны. Задание на следующую пару Андреева пообещала прислать на электронный ящик группы. Оставшиеся в классе менее оперативные студенты в количестве шестнадцати человек продолжали напряжённо глядеть в мониторы университетских компьютеров, решая, удастся ли им быстренько посмотреть тот или иной вопрос в Интернете или лучше не рисковать и выбрать ответ наугад.

Остаток пары, около сорока минут, Юля вместе с Дашей и несколькими другими одноклассниками провели в столовой. Последним в этот день проводил занятия доцент Меньшиков – по общему мнению, самый нормальный в этом семестре преподаватель, лекции которого было интересно слушать, а выполнение заданий к семинарам не требовало чрезмерных усилий. Его предметом было что-то из области «теоретических проблем международного права», но поскольку формой итогового контроля по «Меньшикову» был зачёт, а пары всегда стояли в расписании последними, их посещали не больше трети студентов группы. Увы, так всегда, некоторые студенты просто не в состоянии заставить себя посещать занятия, а особенно лекции, по тем дисциплинам, от результата сдачи которых не зависит, по крайней мере, размер стипендии. А если их ведёт ещё и более-менее лояльный преподаватель, то удачей можно считать присутствие в аудитории хотя бы половины списочного состава студентов.

Меньшиков Иван Николаевич, шестидесятилетний худощавый мужчина, кандидат юридических наук и, по совместительству, бывший судья, прибыл в аудиторию ровно в 13.10. Он приветливо поздоровался со студентами, заметив, что сегодня их непривычно много, и начал лекцию. Хорошо поставленная и легко воспринимаемая речь преподавателя, наполненная интересными живыми примерами и остроумными замечаниями, увлекла будущих юристов, заставив их внимать каждому слову и забыть о времени. Но сегодняшняя лекция оказалась не слишком длинной, поэтому окончание пары было посвящено всяческим вопросам со стороны студентов по её теме и не только. Так, в один из моментов кто-то из группы спросил об ограничениях, с которыми сталкиваются судьи в повседневной жизни.

– Если вы откроете закон о статусе судей, – начал Иван Николаевич свой ответ, по привычке прохаживаясь вдоль первых парт, – то увидите, что должность судьи обладает множеством преимуществ по сравнению с другими юридическими профессиями, такими как размер зарплаты, социальные гарантии, государственная защита. В целом, требования, предъявляемые к кандидатам на эту должность, сходны с требованиями к другим потенциальным государственным служащим, однако есть и определённые отличия. Кроме того, существует так называемый кодекс судейской этики, содержащий свод правил поведения, в том числе в повседневной

жизни, которым судья обязан следовать. За их нарушение следует дисциплинарная ответственность вплоть до досрочного прекращения полномочий. Судья должен также тщательно выбирать себе окружение, избегать сомнительных знакомств... Вот пример из жизни: один человек – бывший судья – как-то летом поехал отдыхать на природу с друзьями. Уже непосредственно на месте они встретили знакомых, среди которых был человек, недавно вышедший из тюрьмы, но об этом тот судья узнал позже. Спустя некоторое время после злополучного выезда на природу он лишается своего судейского поста. Безусловно, свою роль в этой истории сыграли его злопыхатели, коих, к сожалению, почти у каждого служителя Фемиды наберётся достаточно.

– Решение о досрочном прекращении полномочий судьи ведь принимает коллегия судей? – подал голос кто-то из аудитории, – то есть они, по сути, решают, соответствует ли поведение судьи установленным требованием или нет?

– Верно. Причём когда дело не касается вопиющих нарушений, с которыми всё может быть вполне ясно, определение «этичности» поведения судей осуществляется на основе мнения, «внутреннего убеждения» членов коллегии... Такой вот судейский междусобойчик, где выживает тот, у кого, так сказать, «лучше отношения» с коллегами, – Иван Николаевич покачал головой и, остановившись напротив белой матовой стеклянной двери кабинета, устремил задумчивый взгляд вверх голов студентов в широченное окно в стене позади их спин.

– Извините, Иван Николаевич, – подала голос с дальней парты среднего ряда Настя, – а почему Вы ушли с должности судьи?

– Я? – оторвался от своих размышлений преподаватель, – Всё просто – чтобы поправить здоровье, – при этих словах он усмехнулся. – Видите ли, дело в том, что у меня, как и у всех моих знакомых судей, рак. Похоже, это своего рода профессиональная болезнь в судейском сообществе. Известно, что судья в отставке получает стопроцентное жалование и пользуется множеством других преференций, однако до отставки ещё нужно дожить. Некоторым из моих друзей это не удалось, так что я решил оставить свой пост, пока ещё не слишком поздно... Эта идея может показаться несколько метафизической, но мне кажется, что рак – это цена, которую приходится платить человеку, позволившему себе дерзость решать чужие судьбы. И причина здесь не только и не столько в ошибках правосудия, когда, допустим, наказанию подвергается невиновный человек. Нет, на мой взгляд, она состоит в том, что, скажем, Уголовный кодекс – это всё-таки не мера справедливости. Да, судить и подвергать заслуженному наказанию преступников необходимо, но как сделать так, чтобы оно было абсолютно адекватно тяжести проступка? И даже когда речь идёт о гражданских спорах, кто сказал, что выносимые судьёй решения всегда до конца справедливы? В общем, всякий, кто стремится занять должность судьи, должен быть готов принять все не только явные, прописанные в законе последствия этого выбора, но и немало его скрытых, порой довольно тёмных приложений.

К двум часам дня снеговые облака над городом поредели, и в образовавшихся голубых просветах периодически появлялось неяркое зимнее солнце. Щурясь от его лучей, отражавшихся от снега, Юля торопливо – насколько это было возможно на обледеневшем асфальте – шла-скользила в офис тётиной юридической фирмы. На ходу она думала о том, что её группе рассказал доцент Меньшиков о «цене судейства», а ещё о том, как он об этом рассказывал. Говоря о своей смертельно опасной болезни, преподаватель, казалось, не испытывал никаких негативных эмоций, наоборот, он поведал об этом так легко и естественно, будто говорил о погоде – ни печали, ни беспокойства в глазах. Быть может, он просто уже успел «перегореть» и смириться с неизбежным или был уверен, что скоро излечится, но в любом случае его спокойствие поразило Юлю, хотя, она и понимала, что он ведёт себя наиболее разумным в подобной ситуации образом. Так или иначе, бессмысленно переживать из-за того, с чем невозможно бороться – уныние ещё никому не помогло. Знают об этом все, но так редко приходится видеть человека, применяющего столь ценное знание на практике.

Офис «Юридического бюро Давыдовой В.М.» располагался в недавно построенном вычурном торговом центре, втиснутом в самом центре города между другими, чуть менее вычурными комплексами. Каждый раз, когда Юля заходила в фойе делового сектора этого торгового центра, особенно когда на улице шёл дождь или снег, у неё возникало сильное желание встретиться с тем, кто разработал его отделку. У девушки было такое чувство, что дизайнер намеренно выбрал самую гламурную и скользкую плитку в городе, чтобы максимально увеличить риск получения травм у будущих работников и посетителей этой части здания. Двигаясь ещё осторожнее и медленней, чем минуту назад по гололёду, она проползла от стеклянной входной двери по вытянутому бежевому коридорчику, мимо погружённого в чтение газеты охранника, к хромированному лифту. На шестом этаже, где находилась кантора, пол был выстлан серым ламинитом – не слишком практично для многолюдного помещения, но более безопасно для костей. Этот этаж делили несколько фирм, но «Юридическое бюро» места занимало больше остальных, арендуя всё правое крыло, то есть три кабинета. Выйдя из лифта, Юля попала в пастельных тонов прихожую площадью три на три метра, соединявшую два крыла здания. Для клиентов, ожидающих приёма, в ней поставили диван и несколько кресел, на низеньком кофейном столике между ними лежали глянцевые журналы. Сейчас в вестибюль был пуст.

Нужный Юле кабинет был ближайшим к лифту, на золотистой табличке, приклеенной к темно-коричневой двери, значилось «Юридического бюро Давыдовой В.М.» и чуть ниже «Специалисты». На двух соседних дверях висели аналогичные таблички, различавшиеся только вторыми строками надписей. Сразу за «Специалистами» находились «Консультанты», а ещё дальше «Директор» – кабинет Юлиной тети Виктории Михайловны. Как раз, когда Юля собиралась войти в офис, дверь в дальнем конце коридора открылась, и вышла Вика, одетая в чёрную каракулевую шубу.

– Привет, – улыбнулась она племяннице, – что, уже отпустили?

– Да, сегодня раньше закончили, – ответила Юля.

– Вот и хорошо, а то бы мы с тобой разминулись. Я сейчас еду на вокзал, чтобы встретить Юру, но вечером вернусь. Возможно, я немного задержусь – надо будет ещё в несколько мест заскочить – но ты без меня не уходи, я тебя домой отвезу.

– Не надо, я сама доберусь, – попыталась возразить Юля. Ей совсем не хотелось, чтобы Вика потом впотьмах выбиралась из деревни сквозь снежную пургу.

– Погода плохая, – ответила тётя, – а к вечеру ожидается усиление ветра и мороз до минус двадцати градусов. Ты же не хочешь, чтобы тебя по дороге засыпало снегом? К тому же, я давно собиралась к вам домой съездить, мне нужно кое о чём поговорить с твоим отцом.

Услышав эти слова, Юля удивлённо подняла брови, что значило: «О чём с ним можно говорить?». Вика словно поняла её мысли и, снова улыбнувшись, сказала:

– Да, есть одно дело.

– Как загадочно, – хмыкнула Юля.

Тётя редко от неё скрывала что-либо, а сейчас явно не хотела вдаваться в подробности. Но девушку это мало беспокоило, она знала, если речь заходит о ком-то из её родителей, можно не ждать ничего интересного. Кроме того, Юля была уверена, что необходимость поговорить с братом – это в большей степени предлог, который тётя использует, чтобы самой отвести её домой.

– В общем, дождись меня, – заключила Вика, достав из меховой сумочки ключи от машины.

– Хорошо, – ответила Юля, решив дальше не возражать. Она всё равно хотела поговорить сегодня с тётей наедине, а получасовая, как минимум, поездка до её дома – подходящий для этого случай.

– Тогда я поехала.

– Давай.

Вика махнула племяннице рукой на прощанье и направилась к лифту, а Юля открыла дверь кабинета. Переступив порог офиса, девушка попала в большую, строго квадратной формы комнату с выкрашенными в голубой цвет стенами, возле каждой из которых стояли рабочие столы из ДСП. Широкое окно с видом на заполненную машинами магистраль было наполовину закрыто белыми вертикальными жалюзи, что, впрочем, уже не имело смысла, поскольку проскальзывавшее в обед солнце к этому моменту окончательно скрылось за серыми снеговыми облаками.

– Всем добрый день, – поприветствовала Юля коллег, коих было три человека.

В ответ послышалось: негромкое и доброжелательное «Добрый день» со стороны Татьяны Вадимовны – полноватой женщины за сорок; чуть высокомерное, с оттенком осуждения (как обычно) столь позднего прибытия на работу «Добрый день» от Ларисы Дмитриевны – сухопарой женщины возрастом на вид от сорока пяти до пятидесяти лет; и неизменно жизнерадостное «Привет» от ещё одной студентки на полставки – невысокой черноглазой Нарине.

Исполнив долго вежливости, Юля повернулась к стоявшему прямо возле входа в кабинет зеркальному шкафу-купе. Туда она убрала свой пуховик, а затем присев в специально поставленное рядом со шкафом кожаное кресло желтоватого цвета, переобулась из сапог в хранившиеся здесь же в шкафу туфли. После переобувания последовал обязательный ритуал перед зеркалом, включавший расчесывание волос и поправление одежды, исполняя который, Юля постоянно ощущала на себе недовольный взгляд Ларисы Дмитриевны. Но не прошло и минуту, как Юля села за свой рабочий стол и включила компьютер, а дальше, как говорится, «понеслось» – подборка, сверка документов, заполнение форм, отчётов и прочая бумажная работа. Периодически тишину кабинета нарушало появление клиентов, которые в зависимости от специфики вопроса обращались к тому или иному специалисту. Правда, посетителей в Юлином отделе было меньше, чем у «консультантов», поскольку они, «специалисты», занимались, в первую очередь, подготовкой документов, и поэтому им часто приходилось посещать различные государственные структуры.

К счастью, в этот день Юле не надо было никуда бежать, потому что вечером, как и обещали синоптики, погода снова ухудшилась: повалил густой снег, быстро превратившийся в буран, ощутимо похолодало, так что пришлось усилить отопление в офисе. К шести часам не улицу было страшно смотреть – так там мело. Вика всё ещё не вернулась, но, взглянув в окно, Юля не ощутила ни малейшего желания нарушить обещание и попытаться добраться домой самостоятельно.

Тем временем сослуживцы медленно одевались. Из них четверых только у Татьяны Вадимовны была машина, и она предложила подвести Ларису Дмитриевну и Нарине, которым – очень удачно – было в одну с ней сторону. Но Лариса Дмитриевна ответила, что её заберёт муж, а вот Нарине с радостью приняла предложение.

– А вы, Юля, поедите с тётей? – участливо поинтересовалась Татьяна Вадимовна, когда Лариса Дмитриевна, ответив на звонок мужа, сообщившего о своём прибытии, покинула их.

– Да, – ответила Юля, – она сказала дожидаться её, так что я пока останусь.

– Тогда мы поехали.

– Да, ездуйте. До свиданья.

– До свиданья, – попрощалась Татьяна Вадимовна и вышла из офиса.

– До завтра, Юля, – махнула рукой Нарине и поспешила следом.

– Пока, – сказала ей вслед Юля.

Как только все ушли, Юля принялась собираться, надевать сапоги и наматывать шарф, чтобы, когда Вика приедет, только надеть пальто и спуститься вниз. Затем, развалившись в кожаном кресле возле шкафа, она стала ждать.

Было уже минут пятнадцать седьмого, когда Вика, наконец, позвонила и сказала Юле выходить. Девушка поднялась из кресла, закончила одеваться и, взяв сумку, покинула офис. Внизу она отдала ключ от кабинета охраннику на вахте и вышла из здания. На улице Юля снова, как одиннадцать часов назад, окунулась в густое снежное облако и, надвинув до бровей капюшон пальто, почти вслепую спустилась по лестнице с высокого крыльца торгово-офисного центра. Викина машина – красный Ford – была припаркована в нескольких метрах от него, на другой стороне двухполосной дороги.

– Жуть какая на улице! – выдохнула Юля, забравшись в машину, – А ведь ничто не предвещало на прошлой неделе.

– Особенность нашего региона, – ответила Вика, встраиваясь в плотный поток автомобилей, заполнявших дорогу, – день тепло, как в начале октября, а на следующий – февральский мороз и снегопад.

– Как-то невесело, – сказала Юля, и тут же переменяла тему. – Как Юра съездил, выиграл чего?

– Да, занял второе место, – кивнула Вика, глядя на дорогу.

Они стояли в крайнем левом ряду трехполосной трассы и ждали своей очереди повернуть на другую улицу. Прошло не меньше минуты, прежде чем им удалось это сделать и продолжить путь по дороге, ведущей за город. Юля решила не отвлекать тётю новыми вопросами, пока они не выберутся из города и машин не станет меньше – тогда Вике не нужно будет между ними маневрировать.

Город остался позади удивительно скоро, многоэтажные дома и магазины закончились, начались заснеженные поля. На дороге теперь почти никого не было, но, несмотря на это, Вика почти не прибавила скорости, так как видимость была очень низкой. Прикинув расстояние, Юля вычислила, что такими темпами до её дома они доберутся не раньше, чем через полчаса. Времени было достаточно, чтобы успеть всё обсудить, пока они вдвоем, и Юля не собиралась терять его впустую. Но как начать этот разговор? Теоретически можно было бы просто рассказать о дневнике и спросить, что Вика об этом думает, но почему-то у Юли язык не поворачивался так прямо всё выложить. Она хотела подойти к этому вопросу постепенно, издали. Юля усиленно пыталась придумать, что бы такое сказать, что позволит как бы между прочим свести диалог в нужное русло, и вдруг вспомнила сегодняшней рассказ Ивана Николаевича.

– Знаешь Вика, – начала Юля будничным тоном, – нам сегодня препод по международному праву – который бывший судья – рассказал про свою прошлую работу... – девушка поведала тётю печальную и поучительную повесть Ивана Николаевича, спросив в конце, что она думает по поводу его умозаключений.

– Ну, что же, очень может быть, – ответила Вика, сосредоточенно всматриваясь в снежную пелену. – Конечно, дело не только в ответственности за решение чужой судьбы, но ещё и в высоком уровне стресса на этой работе и крайне негативной, в определённых случаях – когда, например, рассматриваются уголовные дела – психо-энергетической обстановке. Однако ваш преподаватель прав насчёт того, что за всё приходится платить. Жизнь, на самом деле, чрезвычайно справедлива, каждый человек в своё время получит то, что заслужил.

– Но рак! Не слишком ли это жестоко для того, кто ничего преступного не сделал? – воскликнула Юля, которой слова тёти показались слишком суровыми.

– Ничего преступного в глаза человеческого закона, – спокойно уточнила тётя. – Всякое событие имеет свои причины и следствия. Множество мелких и, на первый взгляд, несущественных причин и следствий могут копиться, копиться медленно, на протяжении многих лет, пока в один прекрасный день не проявятся единой и красочной картиной. Тяжёлая болезнь, несчастный случай – всё это кажется обывателю несправедливым ударом судьбы или ужасной случайностью, при этом он не вспоминает, как не упускал ни одной возможности навредить кому-либо из мелкой злобы или халатности.

Юля промолчала, понимая, что здесь ей нечего возразить.

– Я тебе расскажу одну историю из моего прошлого, – продолжила Вика после короткой паузы, – чтобы ты знала, что человеку никогда не стоит рассчитывать на свою безнаказанность. Это произошло лет шестнадцать назад, тогда я ещё не начала заниматься юриспруденцией, но у меня уже было своё дело – маленький продуктовый магазинчик. Ты слышала, я думаю, что тогда было за время – повсюду и во власти, и в бизнесе хозяйничали бандюки. Каким-то чудом мне удалось открыть свой магазин, не повстречавшись с ними, и даже проработать около трёх месяцев. Я надеялась, что и дальше всё будет гладко, но вот однажды вечером на пороге моего магазина появился один из местных авторитетов. По слухам он собирался открыть в нашем районе свой собственный крупный магазин и теперь старался убрать всех потенциальных конкурентов. Поздравив меня с началом собственного дела, он сделал мне весьма недвусмысленное предложение: или я «сворачиваюсь», или он решит познакомиться поближе с моей семьёй. Сказать, что я тогда испугалась, значит, ничего не сказать, я была в ужасе. Ты знаешь, мой муж, Алексей, – военный, а в то время им пришлось совсем туго, мой магазинчик был чуть ли ни единственным источником денег, и без него пришлось бы голодать. Но мне была известна репутацию того человека, его угрозы не были пустым звуком, я оказалась прижатой к стене и не видела выхода из той ситуации. И всё же скоро страх сменился гневом, желанием выстоять и при этом защитить себя и свою семью... Помню, тогда я страстно, со всей силой, какая у меня была, пожелала, чтобы этот чёртов бандюган оставил меня в покое. Мне показалось, что мой мысленный крик достиг небес, и... он их действительно достиг. – Вика замолчала на миг, охваченная воспоминаниями. – Порой, – продолжила она, спустя несколько секунд, – достаточно одной капли, чтобы изменить расположение чаш весов судьбы... Тот браток отстал от меня, он раздумал строить свой магазин, поскольку его отвлекли более важные дела. Через какое-то время я узнала, что на следующий день после его визита ко мне в его собственной семье случилось несчастье – трёхлетний сын криминального авторитета выпал из окна... После этого отцу не до чего другого не было дела.

– Мальчик выжил? – спросила Юля.

– Да. Правда, его выздоровление заняло какое-то время, но, насколько я знаю, в конце концов, он полностью поправился. А для его отца это происшествие стало серьёзным уроком.

– Но причём же здесь ребёнок? – не понимала Юля.

– Самые болезненные удары приходятся на наиболее уязвимые места, он угрожал навредить моему сыну, а в результате пострадал его. Это не значит, что мальчик стал невинной жертвой, но всё могло быть не так серьёзно, если бы его отец не причинял зла другим, отягчая тем самым свою участь и участь своих близких.

– Боюсь, он, вряд ли понял это, – Юля покачала головой, взглянув в окно, за которым мелькали едва различимые в пурге силуэты деревьев.

– Почему же? – возразила Вика, – Насколько мне известно, после происшествия с сыном он оставил свои криминальные дела. Во всяком случае, больше я ни о чём подобном не слышала.

Какое-то время Юля молчала, подбирая слова, которые позволили бы перевести разговор ещё ближе к нужной ей теме.

– Ты сказала, – произнесла девушка, собравшись с мыслями, – что перед тем, как всё это произошло, ты сильно пожелала, чтобы тот бандюган оставил тебя в покое... Ты думаешь, твое желание повлияло на дальнейшее развитие событий?

– Да, я уверена, что именно так и было, – ответила Вика. – Естественно, не только я одна поспособствовала подобному разрешению ситуации, поскольку, как я говорила, он успел навредить многим до меня. Но я полагаю, что моя мысль стала последней каплей.

– Колдовство какое-то получается, – усмехнулась Юля.

– Скорее то, что лежит в его основе – способность направить энергию в нужное русло, – серьёзно произнесла Вика.

– И часто ты этой способностью пользуешься? – шутливым тоном спросила девушка.

– Бывает иногда, – по-прежнему серьёзно ответила её тетя. – Не умею я ею пользоваться, ничего бы в жизни так и не добилась. Для достижения любой цели требуется правильно приложить усилия и, в первую очередь, умственные. В жизни как в психиатрии – всё дело в голове, как мозги свои настроишь, так и жизнь твоя пойдёт.

– То есть мысль лежит в основе всего, – подвела Юля итог уже без смеха.

– Не просто мысль, а мысль волевая, поддержанная достаточным по силе энергетическим импульсом. Вялая мысль будет иметь незначительный эффект и малую дальность распространения. Точно как если бы ты попыталась перекинуть камень на другой берег реки, но при этом не размахнулась как следует, или пробовала колоть дрова, мягко поглаживая их топором вместо того, чтобы рубануть по ним с силой.

– А если нет достаточной силы у человека? Если берег слишком далеко или топор тяжёл, что делать тогда?

– Тренироваться, – последовал простой ответ. – С мозгами как с мышцами – чем больше тренируешься, тем они становятся сильнее. Даже ещё лучше, у мышц есть предел возможностей, а у разума нет, его можно развивать бесконечно.

– Освоить, например, телепатию?

– Тут, в общем-то, нечего особенно осваивать, люди постоянно воспринимают мысли друг друга, вопрос лишь в том, сознательно или бессознательно. У тебя самой, наверняка, неоднократно бывали моменты, когда ты произносила вслух то, о чём, скажем, твоя подруга только что подумала, или наоборот. За грохотом собственных мыслей мы часто не замечаем, как воспринимаем сигналы извне.

– Ладно мысль стоящей рядом подруги, а как насчёт услышать, допустим, инопланетянина, находящегося на расстоянии в сотни световых лет от Земли? – наконец, Юля смогла задать вопрос, больше всего её интересовавший.

– Как я уже говорила, всё дело только в том, насколько мысль сильна, – мягко, но уверенно произнесла Вика, будто поняв, что племянница спрашивает её не из теоретического интереса. – Если очень хочется, услышишь, и он тебя услышит, да и не только услышит... Телепатический контакт – это, ведь, не радио или телевизор – это гораздо реальнее, он устанавливает связь сознаний двух существ, связь их сердец.

Вика замолчала и сосредоточила всё свое внимание на повороте с асфальтированного шоссе на выложенную бетонными плитами, засыпанную снегом второстепенную дорогу. Дальше они ехали в молчании около пяти минут, пока не остановились перед Юлиным домом. Тогда Вика выключила мотор, отстегнула ремень безопасности и, как ни в чём не бывало, сказала:

– Идём.

– Идём, – преувеличенно обречённо произнесла Юля и открыла дверь автомобиля.

Родители Юли приехали всего на несколько минут раньше, чем она и Вика, с матерью Юли они столкнулись уже в прихожей. Женщина вежливо и абсолютно безэмоционально поприветствовала золовку, на дочь при этом не обратив никакого внимания, после чего спешно покинула прихожую, оставив Вику и Юлю вдвоём. Отец семейства в это время, судя по звукам, долетавшим сверху, расхаживал по второму этажу.

Зная о «любви» своего брата и его жены к визитам гостей вообще и её в частности, Вика, не теряя времени, быстро сняла шубу, переобулась в гостевые тапочки и поспешила к лестнице, ведущей на второй этаж. Юля тоже долго возиться не стала, разделась, переобулась и отправилась в ванную мыть руки.

Пока Вика вела конфиденциальный разговор с её отцом в кабинете наверху, Юля успела поужинать в молчаливом обществе своей матери. Когда очередь дошла до чая, Вика спустилась на первый этаж и зашла на кухню попрощаться с племянницей и женой брата. Хозяйка дома при этом предложила госте поужинать с ними – исключительно из вежливости, явно не желая согласия той. Вика не разочаровала родственницу и вежливо отказалась, сославшись на поздний час и домашние дела. Провожать её вышла только Юля.

– Мама с папой любезны как всегда, – иронично сказала девушка в прихожей.

– Удивительно, насколько с годами супруги становятся похожи, – насмешливо ответила Вика.

Юля нахмурилась, показывая тёте, что не совсем поняла её:

– А что, кто-то из них раньше был другим? – спросила она.

– Кирилл нет, – покачала она головой, – а вот Мария казалась мне другой раньше. Но, как говорится: «С кем поведёшься...».

– Но я, надеюсь, не совсем такая, как они, – Юля изобразила искреннюю обеспокоенность.

– На детях природа отдыхает, – улыбнулась тетя, накинув капюшон шубы.

– И на том спасибо, – тоже улыбнулась Юля. – До завтра.

– До завтра, – сказала Вика и вышла из дома.

Юля заперла за ней дверь и отправилась к себе в комнату.

Таймер на мобильном телефоне показывал 20:13. «Как раз самое время позвонить Юрику», – подумала Юля, просматривая список набранных номеров. Добравшись до нужного, девушка нажала вызов и стала ждать ответа, расхаживая по спальне.

– Да, – произнёс в телефоне знакомый голос три гудка спустя.

– Привет, Юра! – приветливым тоном заговорила Юля, – Хорошо съездил? Вика сказала, что ты занял второе место.

– Привет, Юля. Неплохо, – немного растеряно ответил юноша, удивлённый неожиданным вниманием двоюродной сестры, – только это не я занял второе место, а наша команда, там не было индивидуальных заданий.

– Ясно, – у Юли не хватило терпения тянуть резину и задавать другие светско-предварительные вопросы, поэтому она сразу перешла к цели своего звонка. – Слушая, а ты ещё не смотрел почту, когда вернулся?

– Нет, дела были, сейчас, как раз запускаю комп, – ещё более удивлённо и почти насто-роженно произнес Юра. – А что такое?

– Я там тебе ноты скинула, не мог бы ты глянуть? – просящим голосом ответила Юля.

– Ноты? – моментально оживился Юра, – Ты что, музыкой занялась?

– Нет. Просто симфония одна перепала, а я не могу прочитать, – страдальчески пояснила Юля.

– Так найди её в интернете, – небрежно сказал Юра.

– В интернете её нет. Сомневаюсь, что эта вещь вообще когда-нибудь исполнялась...

– Новое произведение? – юноша снова заинтересовался, – Подожди, я как раз захожу в ящик, сейчас посмотрим.

Последовала короткая пауза, во время которой, судя по доносившимся с того конца звукам, Юра ждал, пока его компьютер откроет файл.

– Ничего себе! – воскликнул Юра в телефон, – Ты где это взяла?! У тебя, что знакомый Моцарт имеется? Никогда такого не видел!

– Боже мой! – тоже воскликнула Юля, не ожидавшая такой бурной реакции со стороны своего обычно мало эмоционально брата, – Что там такое?

– Да ничего, просто самое грандиозное произведение, какое я видел, включая лучших европейских композиторов, – в голосе Юры слышались лёгкие истерические нотки, смешанные с едва прикрытым восторгом и недоумением.

– Это можно исполнить? – нетерпеливо спросила Юля.

– Можно, – нетвердо ответил Юра, – с оркестром. Но ты, кажется, хочешь, чтобы я это один сделал.

– А ты не сможешь? – обречённо выдохнула Юля, уже зная, что услышит в ответ.

Но Юра ответил не сразу. Будто размышляя о чём-то, он сосредоточенно сопел в трубку, что-то прикидывая про себя.

– Тебе повезло, – наконец произнёс он бодро, – что твой двоюродный брат увлекается не только музыкой, но и программированием, и что и то, и другое ему неплохо даётся.

«А ещё, что он чрезвычайно скромный», – про себя добавила Юля, а вслух сказала:

– Так ты сможешь?

– Думаю, да.

– Спасибо! – радостно воскликнула Юля.

– Не за что, – ответил Юра. – Мне и самому интересно, что получится.

– Сколько примерно это займёт времени?

– Ну, – задумчиво произнёс Юра, – у меня есть одна программка, которую я возьму за основу, допишу, немного переделаю. Потом ещё подогнать, обработать... Короче, если ни на что больше не отвлекаться, то в неделю уложиться можно.

– Ты же не можешь целыми днями над этим сидеть, у тебя учёба, – возразила Юля.

– Да, – с досадой согласился Юра, – плотно заняться не получится. Но, если привлечь Саньку к работе над программой, вдвоём мы справимся быстрее.

– Хочешь показать ему симфонию? – обеспокоенно спросила Юля. Ей совсем не хотелось, чтобы посторонние видели её сокровище, она и к Юре-то обратилась лишь из крайней необходимости.

– Нет, пока не собираюсь, – немного успокоил её Юра, – я хочу, чтобы он помог мне только по технической части. Мы давно собирались сделать что-то в этом роде, но все руки не доходили... В общем, я уверен, что он заинтересуется. Как будет результат, я тебе сразу позвоню.

– Спасибо, спасибо! – радостно кричала Юля в трубку, – с меня торт!

– Я не люблю сладкое, – смущённо побормотал Юра.

Пусть порой он и любил побурчать или ленился сделать что-то, но в помощи никогда не отказывал. А если его начинали благодарить или хвалить, всегда смущался, хоть и был собой доволен.

– Тогда килограмм лимонов! – пошутила Юля, – Ещё раз спасибо!

– Ладно, – Юра напустил на себя серьёзность, – до связи.

– Пока!

Юля кинула телефон на прикроватную тумбочку и пошла к шкафу переодеваться.

«Симфония тысячи искр»

Увы, Юра не уложился с воспроизведением симфонии ни в семь, ни в десять дней. Лишь спустя две недели юноша позвонил своей двоюродной сестре и сказал, что у него вроде бы получилось написать программу, способную исполнить это музыкальное произведение на основе нот, которые прислала Юля. К сожалению, Юра не мог отправить его ей по электронной почте, поскольку у него накрылся интернет, так что остаётся только перенести с помощью флэшки. Юля с радостью бы тут же помчалась в город к тёте и дяде, но время было уже позднее, поэтому ей пришлось ждать следующего дня.

Пока Юля ждала результатов работы своего брата, она не тратила времени впустую, с самого начала поняв, что каким бы чудесным воздействием на разум человека не обладала «Симфония тысячи искр», оно будет сильнее, если сознание уже подготовлено. А лучшей подготовкой к межпланетным путешествиям и телепатическим контактам, несомненно, была очистка мозгов от всяческого забивавшего их мусора, то есть от непрестанно жужжащих в нём мыслей. В общем, для начала Юле нужно было научиться НЕ думать, заглушить какофонию мыслей в голове, остановить внутренний диалог, добиться хотя бы относительной тишины. Учитывая её загруженность на учёбе и работе, заниматься успокоением и расширением своего сознания девушка могла только дома. Каждый вечер перед сном, забравшись в кровать и устроившись поудобнее, она пыталась выгнать из головы все мысли, кроме одной, например, образа морского побережья, который был ей хорошо знаком. На этой единственной картине Юля пыталась сосредоточить всё своё внимание и тем самым заставить замолчать хор остальных мыслей и прекратить их непрерывное мелькание.

Во время своих тренировок – иначе это занятие назвать нельзя, поскольку оно требует значительных усилий – Юля периодически с горькой усмешкой вспоминала часто произносимую людьми фразу: «я ни о чём не думаю». Как смешно слышать эти слова от человека, у которого в голове наверняка стоит гомон бессвязных мыслеобразов, густой пеленой окутывающих его разум на протяжении всей жизни. Лишь попытавшись хоть раз очистить своё сознание, понимаешь, насколько эта пелена прилипчива и вездесуща, она – удушливый смог, мешающий чётко видеть мир.

Однако какой бы трудной не была задача, её можно решить, если проявить упорство и терпение, а главное, если сильно желать это сделать. Постепенно, медленно Юля двигалась к своей цели, настойчиво упражняясь в управлении своим разумом каждый день. Движение это не было ровным, оно шло с переменным успехом. В один вечер ей удавалось почти утихомирить свои мысли и сосредоточиться на образе спокойного синего моря, а в другой она едва могла ненадолго задержать внимание на водной поверхности и не соскользнуть в пучину ментального хаоса. К тому же регулярно давала знать о себе усталость, и Юле приходилось сопротивляться подступавшему сну, ещё более сильному в тихой темноте спальни. По этой причине тренировки легче проходили в выходные дни, чем в период рабочей недели.

Несмотря на то, что продвижение вперёд не давалось Юле легко – как часто бывает при освоении нового умения – она стремилась к успеху изо всех сил, поэтому ей удалось за две недели добиться большого прогресса. Самым важным было то, что Юля смогла нащупать в недрах своего сознания некую область, которая всегда была спокойна. Где-то очень глубоко внутри её существа находилось что-то вроде «безмолвного фундамента» без мыслей, без эмоций – ровно сияющий столб совершенной невозмутимости. Этот «безмолвный фундамент» стал основой её дальнейшего развития. Опираясь на него, Юля смогла начать распространение царящей в нём тишины на весь свой разум. И к тому моменту, когда раздался заветный звонок от Юры, она уже умела достаточно эффективно использовать приём «погружения», чтобы

отключиться от назойливых мыслей. Она не могла заглушить их силой – как невозможно развеять туман, колотя по нему кулаками – но научилась ускользать от них в свой внутренний океан безмолвия.

Вечером понедельника, после разговора с двоюродным братом, Юля засиделась со своими умственными упражнениями дольше обычного. В этот раз ей потребовалось больше времени, чтобы утихомирить свой взбудораженный новостями ум, в который то и дело проникали мысли том, как она будет слушать симфонию, и какой она может быть. Но, в конце концов, Юле удалось заставить себя не думать об этом и переключить сознание в режим растущей неподвижности, которая обеспечила ей освежающий ночной отдых.

На следующий день Юля не помнила почти ничего из того, что снилось ей прошедшей ночью, кроме одного последнего видения, явившегося незадолго до того, как сработал будильник. В одиночестве она брела неведомо куда по огромной плоской пустыне, чёрное небо над её головой было усыпано крупными звёздами, такими яркими, что они освещали мелкую острую гальку, устилавшую землю. Идя вперёд, Юля неотрывно смотрела на далёкие светила, горящие в небесах, не было никаких преград между ней и ими, казалось, каждый новый шаг приближает её к звёздам. Но то была лишь иллюзия, ведь Юля шла по земле, а они плыли в небесах, и как бы быстро она не двигалась, ближе к ним она не станет, если только... Если только она не найдёт дорогу в небо. И стоило Юле подумать об этом, как в ясной тишине ночной пустыни раздался чей-то негромкий голос, звучащий будто отовсюду. Он сказал: «Ты узнаешь дорогу к звёздам, но помни, обратного пути не будет». Девушка замерла на месте, устремив взгляд к огням космоса, и прошептала в ответ без капли сомнения: «Я согласна».

Утро вторника началось, как обычно это бывает зимой – за окном темно, холодно, снежно, вставать не хочется до такой степени, что одна только мысль о том, чтобы вылезти из-под тёплого одеяла причиняет почти физические страдания. Но вставать приходится, ведь нужно собираться и ехать на учёбу, а потом ещё и на работу. Единственное приятное событие, которое сулил Юле грядущий день – это получение заветной флэшки с симфонией, её Юра обещал передать через свою маму. Прележав в кровати минут на пять больше обычного, Юля смогла-таки собрать волю в кулак и подняться, а дальше последовало полусонное заправление постели, вялая зарядка, душ, завтрак и снова в путь через бескрайние снега, правда, не на собаках.

Университет, первая пара, в аудитории половина состава группы. И на том спасибо, поскольку явиться на лекцию по «зачётному» предмету к 8.30 – это выше сил среднестатистического студента юридического факультета. Ко второй паре плотность «населения» в корпусе заметно возрастает, особенно на территории буфета, а к третьей она достигает своего пика. У Юлиной группы третьей и четвёртой парой стоял семинар по Савкиной, на которой им предстояло публично представить свои законопроекты по любой актуальной, на их взгляд, тематике.

Юля разработала поправки к Трудовому кодексу в отношении сроков декретного отпуска. Она предлагала перенести его начало с семимесячного срока беременности на тот момент, когда женщина узнала, что беременна. Обосновала свое предложение девушка тем, что именно на начальных стадиях беременности особенно велик риск выкидыша, то есть женщина должна быть избавлена от всевозможных стрессов и прочего негативного воздействия как можно раньше. Другие студенты в её группе также предлагали внести поправки в статьи кодексов, федеральных и региональных законов. Некоторые подготовили проекты целых законов. Каждый вкратце рассказывал о своей работе и пояснял выбор нормативного акта, при этом Савкина Людмила Фёдоровна всех внимательно слушала и задавала вопросы, а также предлагала это делать коллегам отвечающего.

Из всех выступлений Юле запомнилось одно, показавшееся наиболее интересным и посвящённое проекту корректировки перечня основных неотъемлемых прав человека, который сделала Настя Лесовская. Она считала необходимым ввести понятие права на «здоровую духовно-нравственную атмосферу» – по аналогии с правом на благоприятную окружающую среду – и закрепить его в числе первостепенных прав человека.

– В Конституции Российской Федерации, – говорила Настя, – закреплено право каждого человека на благоприятную окружающую среду, то есть на среду, не загрязнённую производственными, бытовыми отходами либо отходами вследствие техногенной катастрофы, и тому подобным. Посредством закрепления данного права закон защищает человека от негативных последствий, в частности, от различных заболеваний, которые может вызвать загрязнение природной окружающей среды. По моему мнению, закон должен подобным же образом защищать людей и от психических расстройств, появлению и усугублению которых способствует загрязнение духовно-нравственной окружающей среды.

– Очень интересная идея, – сказала Людмила Фёдоровна, выслушав доклад Насти, – но довольно труднореализуемая, начиная с самого понятия здоровой духовно-нравственной среды. Что конкретно вы под ним подразумеваете? И каким образом, по вашему мнению, государство должно обеспечивать право своих граждан на неё?

– Всё просто, – отвечала Настя, – здоровая среда – та, в которой человек не подвержен риску получения психического заболевания, либо в которой этот риск сведён к минимуму. Обеспечить здоровое состояние духовно-нравственной среды государство может посредством устранения из общественной жизни факторов, вызывающих психические расстройства. В этой связи я считаю необходимым фильтровать по признаку культурной ценности и нравственного уровня информацию, распространяемую СМИ (прошу прощения за тавтологию) и, в первую очередь, телевидением. Средства массовой информации оказывают сильнейшее влияние на сознание современного человека, особенно на детей, участвуя в формировании их личности, поэтому необходимо тщательно фильтровать содержание информационного потока.

– Не могли бы вы сказать, что именно, по вашему мнению, должно быть устранено из СМИ, – произнесла Людмила Фёдоровна с вежливым интересом. – Думаю, вашим однокурсникам будет интересно послушать, ведь тема столь необычна.

– Начать нужно с устранения того, что может оказать пагубное воздействие на состояние психически неустойчивых лиц, которые, как известно, чрезвычайно подвержены влиянию извне. Так, в СМИ не должны рекламироваться различные формы асоциального поведения, как это делается сейчас. Кроме того, в процессе планирования новостных выпусков и освещения отдельных происшествий, сообщение о которых особенно опасно с точки зрения воздействия на нестабильных индивидуумов, непременно должны участвовать высококвалифицированные психологи, а, возможно, даже и психиатры. Честно говоря, я не понимаю, почему это не делается до сих пор. Элементарное наблюдение показывает, что чем больше по телевидению рассказывают, например, о стрельбе в общественных местах или самоубийствах школьников, тем чаще это происходит. Очевидно же, что подростки и взрослые с неустойчивой психикой просто-напросто копируют разрекламированное в СМИ поведение и способ жизни. Кто-то стремится подражать бездарным попсовым звёздам, а кто-то маньякам... Отсюда вывод: из телевидения, Интернета, радио необходимо устранять всё, что способствует выращиванию из детей и подростков психопатов, заменяя это материалом, обеспечивающим подлинное духовное развитие, то есть действительно качественным искусством, научно-популярными передачами и так далее – всем тем, что развивает ум и укрепляет психику, а значит повышает их сопротивляемость различным расстройствам.

– Но нельзя же полностью исключить из новостных блоков сообщения о совершённых преступлениях, в том числе, об убийствах и тому подобном, – возразила Людмила Фёдоровна. – Люди должны знать, что происходит в мире, как говорится: «Предупреждён, значит вооружён».

– Безусловно, общественность должна быть осведомлена о случаях противоправных деяний, в том числе и в целях их профилактики, однако противоправное поведение не должно популяризироваться. Конечно, нужно рассказывать о том, что бывают те же маньяки, но не следует так подробно, буквально смакуя каждую деталь, как это любят журналисты, излагать все подробности их преступлений. Иначе получается этакое видео пособие для будущих серийных убийц... Вот в целом суть разработанного мною проекта.

Выступление Насти вызвало неожиданно много вопросов со стороны «внимательно» слушавшей его аудитории – целых два. Горячий студенческий интерес к теме разделила и преподавательница, задав по завершении Настиной речи ещё один вопрос и прочитав короткую лекцию о ныне существующих правовых способах защиты нравственности, которая породила жаркую дискуссию между ней и двумя-тремя студентами. Остальные участники семинара, включая Юлю, игнорировали дебаты, градус которых повышался с каждым сказанным словом, и тихо сидели на своих местах, думая каждый о своём.

Юля размышляла о предложенном Настей проекте, бесспорно ставшем самым амбициозным из озвученных в этот день. Она во многом соглашалась с идеями своей одногруппницы, но понимала, что их реализация потребовала бы проведения масштабной, всесторонней и крайне затратной в финансовом и временном отношении работы. Своих размышлений девушка не прервала, даже когда пара закончилась, и пришло время покинуть из аудитории. Юля так глубоко ушла в себя, что не сразу поняла, о чём её спросила шедшая рядом Даша.

– Извини, что ты сказала? – переспросила Юля.

Они остановились на лестничной площадке четвёртого этажа возле массивной металлической двери, за которой находилась секция юридического факультета.

– Я говорю, в эту субботу на выставку работ Пикассо идём, помнишь? – повторила Даша, поправляя капюшон своего пуховика.

– Да-да, помню, – рассеяно ответила Юля, запаковываясь перед выходом на улицу – за порог как в открытый космос – без скафандра не выйдешь.

– Мы с тобой собирались вдвоём пойти, – продолжала Даша, – но Максим тоже хочет посмотреть выставку, поэтому напросился с нами. Надеюсь, ты не против?

– Да нет, – Юля пожалала плечами, показывая, что ей без разницы. – Заодно посмотрю на твоего нового хахала.

– Максим не хахаль, – скривившись, ответила Даша. – Мне кажется, это серьёзно...

– Ага. Любовь до гроба, а гроб уже рядом, – поддразнила Юля подругу. Но увидев, что той совсем не смешно, сказала, – Извини. Ты же знаешь, меня над всеми этими амурами только и тянет поглумиться. Но обещаю не делать этого в присутствии твоего Максима, не буду смущать мальчика.

– Мальчику тридцатник скоро, – уточнила Даша, приняв строгий вид, – так что не прикалывайся над ним.

Юля немного удивилась, услышав о возрасте кавалера своей подруги, поскольку думала, что Максим – какой-нибудь студент или, может быть, только что закончил университет. Но если так...

– Хорошо, – произнесла она примирительно, – буду молчать и смотреть на картины.

Речь Юли прервало появление на лестничной площадке длинного и тощего студента неопределённого возраста с всклокоченной шевелюрой, который выпрыгнул из секции юридического факультета, с грохотом распахнув железную дверь. Проскочив мимо девушек, он с криком «Свобода!» помчался по лестнице вниз. Следом за «первой пташкой», выражая свою радость по поводу окончания занятий на сегодня уже не так бурно, потянулись другие студенты. Тогда Юля и Даша подхватили сумки и встроились в общий поток, движущийся на первый этаж к выходу из здания. На улице девушки распрощались и пошли каждая в свою сторону.

На работе у Юли всё было как всегда: документы, консультации, переговоры и тому подобное. Только около пяти часов вечера Вика, которая постоянно куда-то уезжала по делам фирмы и своим личным, в очередной раз вернувшись в офис, отдала Юле флэшку от Юры. Девушка сразу перекинула папку с аудиофайлом и ещё каким-то текстом, обозначенным «Прочти меня», на свой собственный носитель и вернула флэшку тётё. Вика при этом не стала интересоваться, что именно её сын передал Юле, поскольку не имела привычки лезть в чужие дела – пусть даже и дела её родственников – без крайней необходимости.

Получив симфонию, остаток дня Юля могла думать лишь том, чтобы скорее послушать её. На работе она, конечно, не могла этого сделать, поэтому с нетерпением ждала шести часов. К счастью, до момента освобождения оставалось меньше часа. Трудовой день закончился, тётя подвезла Юлю до автобусной остановки, оттуда девушка ещё сорок минут добиралась на общественном транспорте до посёлка, а там минут десять по сугробам до особняка. Дома был лёгкий ужин из салата с кусочком хлеба и чая с конфетой, потом душ и в самом конце компьютер.

Юля не стала слушать симфонию на ноутбуке, она только скопировала её в его память, а непосредственно для прослушивания загрузила файл в mp3-плеер. Затем девушка открыла документ-сопровождение к аудиофайлу, который Юра поместил в одной с ним папке. Там была всего одна фраза: «Советую послушать ночью, так чтобы никто не мешал». Отметив про себя, что именно так она и собирается поступить, Юля выключила компьютер и пошла с плеером к себе в спальню. Но, забравшись в постель и приладив наушники, она не стала сразу включать музыку, а вместо этого начала привычную процедуру успокоения и расширения своего сознания, занявшую в этот раз на удивление мало времени. Лишь когда в голове Юли наступила максимальная доступная ей тишина, она запустила воспроизведение «Симфонии тысячи искр».

Первый аккорд заставил её вздрогнуть, он был как удар грома – внезапный, мощный и ослепительный, будто разом вступил целый цветомузыкальный оркестр. После оглушающего вступления звук постепенно затухал, точно истончаясь, распался на голоса отдельных инструментов, в конце он почти замолк, держась лишь на тонком дрожащем соло скрипки. Затем мелодия вновь начала нарастать, с каждой нотой становясь быстрее и напряженнее, в её звучании всё отчётливее слышалась какая-то суровая торжественность, неотступная устремлённость ввысь к безграничному сверкающему небу... Юля не могла уже разобрать, какие инструменты она слышит, всё звуки слились в одну фантастическую, яростную и лучезарную феерию. Это был настоящий фейерверк из тысяч, даже миллионов разноцветных искр-нот, которые вспыхивали в её разуме, уносимом музыкой в космические дали.

Слышала ли она по-прежнему музыку или ей только казалось, что слышит? Последние ноты были очень высокими, почти на границе возможностей человеческого восприятия, но при этом звук продолжал расти, расти, заманивая ум всё дальше от Земли. Когда Юля опомнилась и попыталась оглядеться, то не увидела своей затёмнённой шторой спальни. Вместо привычной просторной комнаты она будто оказалась в планетарии – повсюду на 360 градусов были звёзды разных цветов и яркости. Безумных размеров, невообразимой широты пространство, наполненное светом миллиардов миров, окружало её. Внезапно и сокрушительно, как удар молнии, пришло к Юле осознание того, что с ней произошло. Не было никаких сомнений – «Симфония тысячи искр» вырвала её сознание из крепких объятий Земли и унесла его в глубины Космоса... Но куда же именно?

«Где я?» – зада себе вопрос Юля, прозвучавший громогласно в величественной тишине Космоса, которая окончательно вытеснила болтовню мыслей из её головы. Но не было ответа... Юля не узнавала созвездия, открывавшиеся её взору – даже если она и выдела их на Земле, то в другом ракурсе, с другого расстояния, потому всё было ей незнакомо. А главное, она не знала, где находится её родная планета. Какая из бесчисленного количества огненных точек,

горевших во тьме, могла быть Землёй? Как вернуться домой и что с ней будет, если она не сможет этого сделать?

Вопросы эти проплыли в её разуме медленно и ненавязчиво, возникнув скорее из подсознательной привычки, чем из реального опасения, так как ни страха, ни волнения Юля не испытывала и в помине, ею владело совсем другое чувство. Дикий, неопиcуемый восторг едва не разрывал девушку на части, восторг, с которым она мчалась сквозь пространство в направлении маленькой голубой звезды, отчего-то притягивавшей её внимание. Звезда стремительно приближалась, постепенно увеличиваясь в размерах, становясь всё ярче на фоне других светил. И скоро Юля поняла, что летит вовсе не к звезде, а к планете – той самой серебристо-голубой планете, к которой больше полувека назад путешествовала хозяйка «дневника». Ощущение полёта на огромной скорости было поразительно реальным – несмотря на то, что у неё не было физического тела, Юля со всей остротой чувствовала движение и сильнейшее устремление вперёд в своей душе. Здесь, в Космосе, она была лишена материальных органов чувств, но воспринимала своё окружение не хуже, чем на Земле, ясно видя поверхность чужой планеты сквозь прозрачную атмосферу и чувствуя мощное притяжение массивного небесного тела, наполненную освещённого лучами жёлтой звезды, как две капли воды похожей на Солнце.

Юля продолжала лететь к планете, но скорость её полёта заметно снизилась – она уже не мчалась с полусветовой скоростью, преодолевая тысячи километров в секунду, а мягко и неторопливо скользила в распахнутые синие врата нового мира. Маленькие, далёкие детали ландшафта – коричневые, изогнутые хребты гор и изумрудные шапки лесов, сверкающие на солнце узоры полноводных рек и пёстрые покрывала усеянных цветами долин – росли и приближались, проплывая в глубине хрустального шара атмосферы. Спускаясь на поверхность планеты, Юля погружалась в совершенно новую жизнь, наполненную непривычными для земного сознания мыслями и энергиями.

Путь её закончился приземлением на плоскую вершину низенького холма, заросшего нежной серебристо-изумрудной травой. Прямо за этим холмом до самого горизонта раскинулось необъятной ширины поле, на котором густым ковром росли цветы разнообразных форм, размеров и всех мыслимых оттенков. Были цветы крохотные и изящные, похожие на алые лютики, и крупные, с лепестками, распахнутыми утреннему солнцу сапфировые гибриды ирисов и роз. Тянулись к свету средних размеров золотые колокольчики-васильки на причудливо изогнутых стебельках, повсюду выглядывали из-под листьев более крупных собратьев маленькие бело-серебряные ромашки-подснежники, и много-много других необычных, мало схожих с земными цветов украшали долину, которую Юля про себя назвала «равниной многоцветия».

На первый взгляд пёстрый узор «равнины многоцветия» мог показаться случайным творением природы, не имевшим чёткой закономерности в расположении составлявших его штрихов. Но такое впечатление возникало только, если смотреть на поле с земли, видя лишь его часть, у Юли же была возможность рассмотреть всю картину целиком во время спуска. Из космоса огромное идеально круглое поле было точь-в-точь буддийской мандалой, но не из песка, а из живых цветов. В самом центре гигантской мозаики находилась высокая, едва различимая с окраины поля спиральная башня, нахождение которой, глядя на горизонт, можно было определить только по яркому блеску зеркальных стен.

Как это не удивительно, но здесь, на далёкой чужой планете, на огромном расстоянии от своей телесной оболочки, Юля могла пользоваться всеми привычными ей чувствами, в том числе осязанием, слухом и прочими. Она слышала и чувствовала ветер, шелестевший в цветах, ощущал текстуру шелковистой, упругой травы под ногами... Да, у неё были ноги и руки, глаза, волосы и остальное, всё, что должно было остаться, возможно, в сотнях парсеков от «равнины многоцветия», на Земле. Юля воспринимала себя также, как всегда, почти также... Если на Родине все её чувства были строго привязаны к конкретным органам, то здесь этих ограничений не было. Чтобы потрогать, понюхать любой понравившейся цветок на поле, Юле не нужно

было даже подходить к нему. Достаточно было лишь на миг сосредоточить на цветке внимание, и девушка уже знала, что полупрозрачные синие лепестки розы-нарцисса на ощупь словно пульсирующий тонкий бархат, а их бодрящий, сладковатый аромат навеивает воспоминания о нежной свежести летних сумерек.

Сознание Юли больше не дробило картину окружающего мира на отдельные сигналы, поступающие от разных органов чувств. Теперь они были слиты в единое всеохватывающее мировосприятие и жизневосприятие. И это новое жизневосприятие подсказывало Юле, что поблёскивающая на солнце спиральная башня – очень интересный объект, заслуживающий особенного внимания инопланетной гостии. Она уже собралась вновь подняться в воздух и направиться к необычному строению, как внезапное, неведомое прежде переживание изменило направление её внимания. В очарованном небывалой ясностью и чистотой ментальной атмосферы уме Юли, который успел почти забыть непрестанное давление чужеродных импульсов, преследовавшее его на Земле, возникло яркое видение: на вершине соседнего полукруглого холма в расступившемся на миг прохладном утреннем воздухе из ниоткуда появился юноша в светлых, свободного кроя одеждах.

Переведя взгляд вправо, на тот самый холм, Юля увидела, что юноша – вовсе не плод её воображения. Он стоял, овеиваемый лёгким ветром, на плоском пригорке посреди трепещущего зелёного моря, прямой как стрела, с волосами цвета серебра. Взгляд его сапфировых глаз на совершенном лице был устремлён на Юлю, но в нём не было ни тени удивления, только искренний интерес. Однако что это был за взгляд! Его горячее прикосновение пронзало насквозь, ощупывало, разбирало на части и изучало Юлю, ничто в ней не могло остаться скрытым от него. Это изучение не было грубым или навязчиво любопытным – лишь быстрое и неотвратимое проникновение до самых глубин существа незнакомого создания, моментально открывавшее все Юлины намерения и помыслы. Сквозь девушку словно прошёл электрически разряд, не причинив вреда или боли, но всё же немало шокировав. Но Юля скоро освоилась и, сбросив оцепенение, ответила не менее пытливым взглядом. Да не тут-то было: ей не удалось вторгнуться в чужое сознание, потому как она не умела этого делать. Никогда прежде Юля не пыталась сознательно использовать телепатию, и даже на этой, казалось бы, идеально пригодной для подобных вещей планете первый опыт оказался малопродуктивным. Всё, что ей удалось – это охватить своим интегральным жизневосприятием внешнюю оболочку прекрасного юноши, но никак не увидеть его внутренний мир. Чужой разум был закрыт для неё. Тогда Юля решила сменить тактику и, вместо того, чтобы пытаться «сканировать» его, просто обратилась к инопланетянину как к обычному, земному человеку:

– Здравствуйте, – произнесла она мысленно стандартное земное приветствие, сконцентрировав всё своё внимание на прекрасном лице незнакомца.

Внешность жителя этой планеты в точности соответствовала описанию «возмутительно» красивого юноши из дневника: глаза его горели как звёзды, черты были безупречно правильными, точёными, а кожа излучала отчётливое сияние. Но то ли чтение дневника морально подготовило Юлю к подобной встрече, то ли сказывалась её природная неспособность удивляться чему-либо необычному, она вовсе не была потрясена красотой этого человека. Напротив, она казалась ей абсолютно естественной в окружении живописных насыщенно-изумрудных холмов, протянувшихся к горизонту словно застывшие морские волны, где они встречались с прозрачным ультрамариновым небом, на котором даже при свете дня мерцали звёзды.

Юноша услышал мысль Юли, и на его серьёзном и внимательном лице появилась тень улыбки, сделавшая его ещё неотразимее. Его ответ заставил девушку внутренне вздрогнуть, но не из-за смысла, что он нёс в себе, а потому, что принесший его мысленный импульс попал не только в ум, но и в сердце девушки. Послание было простым ответным приветствием, хотя и не выраженным в словах, но понятным Юле. Это ответное приветствие, полное искреннего дружелюбия и идущее от его сердца к её, мгновенно установило между ними невидимую связь.

– Я – Юля, – продолжила Юля, когда немного привыкла к ощущению, что у неё из души протянулась тонкая, пульсирующая нить, соединившая её с душой внеземного существа.

В ответ в сознании Юли возник поток из нескольких коротких светозвуковых вспышек, которые, очевидно, означали имя её собеседника на его родном языке. Но этот язык оказался столь не похожим на известные Юле, что она не смогла ничего разобрать. Юноша догадался, что Юля не поняла его, и постарался перевести свои мысли в более привычную для неё форму:

– Зови меня Нараян, – сказал он. – Это имя из твоей памяти больше всего похоже на моё.

– Ты знаешь, откуда я? – удивилась было Юля, но тут же догадалась, что просканировав её разум, инопланетянин узнал о ней всё. Для такого мощного телепата не может быть секретов.

– Да, – подтвердил Нараян, – я видел твой мир.

Отчего-то при этих словах девушке стало не по себе, будто её уличили в чём-то постыдном. Пусть Юля ещё почти ничего не знала об этой планете, но уже успела почувствовать, что она не похожа на Землю. Об этом говорили и состояние её ментальной среды, которая так удивила Юлю своей чистотой, и то, что телепатия и общение с инопланетными гостями здесь, судя по всему, вещи обычные.

Легчайший кивок Нараяна подтвердил правильность её выводов и напомнил, что её мысли для него – открытая книга, в то время как она слышит лишь то, что он хочет, чтобы она услышала.

– Если ты видел Землю, то, вероятно, знаешь, как туда добраться? – задала Юля немаловажный для неё вопрос, осознав неожиданно, что до сих пор не знает, как вернуться домой.

– Конечно, и я помогу тебе вернуться туда, – в ответе Нараяна Юля уловила неподдельное желание помочь ей.

– Я плохо понимаю, как оказалась здесь... – в голове девушки пронёсся вихорь воспоминаний о событиях её последнего вечера на Земле, который, казалось ей, был несколько лет назад.

– Ты оказалась слишком впечатлительной, – сказал Нараян мягко, – а произведение, что ты слушала, было очень сильным, но всё поправимо. Сейчас мы с тобой отправимся на Землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.